

ЮЛИЯ ДИППЕЛЬ

ИЗАРА

БЕССМЕРТНОЕ ПЛАМЯ

18+

Юлия Диппель
Бессмертное пламя
Серия «Изара», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48996228
Бессмертное пламя: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-105515-8

Аннотация

Одни называют их просто бессмертными, другие – демонами, третьи – духами или дэвами. Сами же они предпочитают название «праймус», что значит «первый» на латыни.

Когда на Ариану нападает таинственный незнакомец, чьей воле неожиданно начинают повиноваться все вокруг, жизнь девушки навсегда меняется. Ариана узнает, что лицом, в котором она учится, руководит тайная организация «Плеяда». Она контролирует праймусов и защищает от них человечество на протяжении многих веков. Но похоже, что и у самой Арианы есть особая сила. И чтобы спастись от того, кто открыл на нее охоту, девушке придется воспользоваться помощью самого демона...

Содержание

Глава 1. Сцена, что для нас – весь мир	5
Глава 2. С такими друзьями...	23
Глава 3. Враг моего врага...	36
Глава 4. Судьба, предрешенная печатью	53
Глава 5. Человек предполагает...	75
Глава 6. Полцарства за коня	96
Глава 7. Павлин в лесу	112
Глава 8. Обо всём на свете	126
Глава 9. За деревьями не видно леса	149
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Юлия Диппель

Бессмертное пламя

© 2018 by Planet! in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH,
Stuttgart By Julia Dippel (author) Cover design by Carolin
Liepins

© Офицера И. А. перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1. Сцена, что для нас – весь мир

Шумная толпа школьников создавала почти невыносимый контраст с последними солнечными лучами, которыми баловала осень. Четыре года я пыталась привыкнуть к этому звуку. Безрезультатно. Я только научилась лучше его игнорировать. Так же как игнорировала все, что нарушало мое душевное спокойствие. Да уж, шоры на глаза могли бы стать незаменимым аксессуаром в лицее Торкассо.

Я сорвала несколько травинок на лужайке. Они не виноваты, что моя жизнь напоминала невзрачное подобие паршивой мыльной оперы. Бедняжкам просто не повезло вырасти там, куда я забралась, когда меня снова накрыло уныние. Новый учебный год начался всего два дня назад, а я уже в пятый раз пряталась под огромным каштаном за школьной столовой. К сожалению, для меня это еще даже не рекорд.

Мой девиз: продержаться. Продержаться, получить хорошие оценки и стипендию в колледж, чтобы сбежать отсюда. Желательно в такое место, которому не грозит взорваться от банальности.

Две холодные ладони оторвали меня от мыслей о побеге.
– Ну, готова немножко «быть или не быть»?

Моя лучшая подруга Фелицитас – Лиззи – питала сла-

бость к громким появлениям. Когда она внезапно плюхнулась рядом со мной на траву, я слегка приоткрыла свои воображаемые шоры. У Лиззи было слишком хорошее настроение. Слишком даже для такой хорошей погоды.

– Ты в курсе, что должна мне за это как минимум пожизненную техпомощь? – проворчала я.

Она только пожала плечами и громко допила через соломинку остатки смузи из банана и киви.

– Лучшая комплексная техпомощь и эвакуация «Фелицитас» – к твоим услугам, – щедро предложила она. – Хотя я все равно тебя не понимаю! Если уж ездить на такой развалюхе, то только ради того, чтобы тебя эвакуировали горячие мускулистые парни в обтягивающих майках, испачканных машинным маслом.

Я вздохнула. Лиззи безнадежно зациклилась на тестостероне. И это еще самый мягкий комментарий, который приходит мне в голову по поводу новой жизненной цели моей подруги. За последний год она превратилась из гусеницы в брекетах в яркую бабочку. Рыжую кудрявую бабочку, помещанную на моде. Русый был просто «недостаточно гламурным» для ее выпускного класса, и она старательно не обращала внимания, что этим оскорбляет мои собственные волосы.

Вопреки моим ожиданиям и здравому смыслу, новый кричащий цвет срабатывал, как маяк. С прошлого лета поклонники выстраивались в очередь, чтобы пасть ниц перед

ее длинными ногами. Тем же летом и не на совсем трезвую голову Лиззи поклялась, что каждый сантиметр этих ног будет принадлежать «богу удовольствия». Вообще-то, бога звали Джереми, и он был звездой школьного театра.

– А ты уверена, что он стоит того, чтобы учить длиннющие скучные тексты и проводить вечера вторников в сыром подвале? – поинтересовалась я. – Джереми ведь тебя даже не заметит.

– А если заметит! Это, дорогая моя, – промурлыкала Лиззи, изогнувшись в идеальной модельной позе и погладив длинные ноги, которые не скрывала мини-юбка, – невозможно не заметить.

Я честно пыталась не разразиться хохотом, но в итоге все равно получила болезненный тычок от подруги.

– Пойдем уже. В этой снобистской школе, которая зовется лицеем, кроме тебя адекватных людей нет. Ты нужна мне там!

– Слышал бы это Джереми!

– Это не считается, он потрясный. И, кроме того, у него невероятно сексуальный голос. И он играет на пианино. И ты моя лучшая подруга, поэтому обязана быть рядом! – она надула губы.

Ее рыжие кудри упрямо подпрыгивали.

– Пожалуйста-пжалуйста-пожааалуйста! Я больше не буду обзывать твое ржавое корыто и буду всегда тебя встречать и подвозить. Да без тебя я там и двух минут не проживу!

И завершающий удар – Лиззи состроила щенячьи глазки и похлопала ресницами. Именно так она уговорила своего папу на два заграничных путешествия и красный «Мини Купер». Я тяжело вздохнула и сдалась. И в ту же секунду, как я выдохнула: «Ладно», она сжала меня в объятиях.

– А сейчас, – Лиззи встала и театрально взмахнула рукой в воздухе, – не медлить ни секунды. Сцена, что для нас – весь мир¹, ожидает поцелуя двух влюбленных, который изменит всё. Джереми! – воскликнула она, схватила за сердце и с тоской посмотрела на Корпус Культуры, где располагался школьный театр. – Я иду.

И Лиззи упрямо и на полчаса раньше направилась в студию. Покачив головой, я подняла бутылочку от смузи и пошла за подругой вверх по склону к школе.

Если верить тяжелым буквам из кованого железа над воротами, лицей Торкассо был интернатом. На самом деле в здании бывшего монастыря проживала всего лишь половина учеников. За остальными каждый день после занятий приезжали няни или дворецкие и развозили по шикарным особнякам их родителей, которых чаще всего не было дома. Те, у кого уже были права, конечно же, ездили сами. Это было вопросом престижа, ведь стандартным подарком на восем-

¹ Цитирует Ф. Шиллера «An die Freunde» (здесь и далее – прим. перевод.).

надцатилетие была тачка класса «люкс». Чем дороже машина, тем выше репутация. Завершали этот рейтинг я и моя маленькая «Тойота», к которой я как раз и шла, чтобы закинуть вещи в багажник. Эта жалкая куча металла казалась недоразумением в сверкающей армаде лимузинов и спорткаров. Она просто не вписывалась. Собственно, как и я.

Причина, по которой я, несмотря ни на что, посещала это учреждение, довольно проста: постановление суда. Обстоятельство, которым я обязана отцу. Я мало что о нем знала, кроме того что он был очень богатым и чокнутым. Последний раз я его видела, когда мне было двенадцать. Он покинул зал суда в окружении своих адвокатов. Три года и одну кровопролитную войну спустя приговор был вынесен – естественно, в его пользу. Мама получала до смешного маленькие отступные, но при условии, что я окончу лицей Торкассо. Больше он ничего нам не заплатил.

Я так и не поняла, почему для отца был так важен этот лицей, но ежемесячная плата за обучение в нем была в три раза больше, чем мы с мамой тратили за тот же месяц. Может быть, он просто хотел, чтобы мы отдалились друг от друга. Его дочь далеко, в интернате, где каждый день долог и светел, а речь идет только о деньгах и статусе. Прекрасный сияющий мир. И единственное, чего мне не могла дать мама. В его фантазиях я наверняка уже должна была приползти к нему на четвереньках и умолять.

Но план не сработал. На отступные мама купила неболь-

шой домик недалеко от лица, чтобы мы могли жить вместе. А искушение богатством... Ничто в мире не заставит меня стать такой, как мой отец.

Я как раз собиралась выехать на другую сторону парковки, когда дорогу мне преградил новенький черный «Мустанг».

«Точно, новый учебный год! Сейчас начнется парад “Мой-папочка-купил-мне-новую-машину”», – подумала я, вздохнула и остановилась, чтобы ни в кого не врезаться. «Мустанг» медленно ехал мимо меня. Медленнее, чем должен был бы. Само собой, стекло было затонировано. «Ну а как же!» Как только от меня отдалилось водительское окно, машина разогналась и поехала к одному из дальних, затененных парковочных мест, которые предназначались для верхушки нашей элиты.

Я покачала головой и поехала дальше. Самое позднее завтра утром я узнаю, кому из моих очаровательных одноклассников подарили новую игрушку.

– Эй, Ариана, штука, которую ты называешь машиной, опять не заводится? – раздался женский голос.

Мне не пришлось оглядываться, чтобы понять, что Дорис и Дениз стоят где-то позади меня и хихикают.

– Кто бы мог подумать, что после Брендона ты упустишь еще одного красавчика, но – спасибо. Нам больше достанется.

Понятия не имею, о чем они. Да и не важно. Я никогда не

обращала на них внимания. Впервые они заметили меня, когда я начала встречаться с Бренденом. А когда закончились эти отношения, которые я считала самой большой ошибкой в моей жизни, они внесли меня в свой черный список. В средней школе мы прозвали их Побрякушками ДД. Кстати говоря, сейчас прозвище держится не только на инициалах. Спасибо папочкам и силикону... Мне определенно не понять.

Лиззи уже ждала меня у старых деревянных ворот перед Корпусом Культуры. Она нетерпеливо замахала руками.

– Давай, давай, мы опоздаем. Джереми уже там, – прошипела она и потащила меня к зданию бывшей водопроводной станции, где теперь занимались классы искусств. Я спросила, настигла ли ее уже любовь с первого взгляда, но она проигнорировала вопрос и повела меня вниз по крутой винтовой лестнице в театральную студию.

– Веди себя прилично, не задавай глупых вопросов и не опозорься, – вот и весь ее инструктаж. Лиззи отбросила ярко-рыжие волосы назад и глубоко вздохнула. Она вошла в студию, двигаясь с королевским изяществом. Ну, так было задумано. К сожалению, получилось наоборот.

«Цапля с рыжими кудряшками, а не опозориться должна я?» – промелькнула у меня одинокая мысль, но я ее отбросила. В конце концов, она моя лучшая – нет, единственная – подруга.

Джереми сидел на краю сцены. На его лице появилась легкая улыбка, когда он заметил Лиззи. А я ясно услышала, как

ее сердце забилося быстрее. Она села в первом ряду прямо напротив него и приподняла свою длинную ногу, чтобы закинуть ее на другую.

«Господи, пожалуйста, только бы она не была без нижнего белья», – взмолилась я. И тут же получила ответ на свой немой вопрос, потому что Лиззи соскользнула с края стула и рухнула на пол, так что не только Джереми, но и все остальные смогли увидеть красные кружевные трусики у нее под юбкой. Такой же оттенок красного сейчас приобретало ее лицо. Я хотела поспешить ей на помощь, но Джереми оказался быстрее. С безупречным поклоном он протянул ей руку.

– Если бы это не выглядело так неловко, можно было подумать, что она сделала это специально, – произнес хриплый голос мне на ухо.

Пока я удивлялась, почему не испугалась до смерти, говорящий отстранился с тихим смешком, задев при этом мои волосы, завязанные в хвост. По спине пробежали мурашки. Прежде чем я успела обернуться, чтобы посмотреть, кто этот остряк, передо мной выросла широкая спина и прошла мимо. Эту спину я точно еще ни разу не видела. Она была одета в темно-синюю рубашку, рукава высоко закатаны и обтягивали загорелые мускулистые руки. «Блин, я еще хуже, чем Лиззи!»

Стараясь не заикливаться на частях тела этого парня и вообще его не разглядывать, я быстро побежала к Лиззи, которая встретила меня сверкающей улыбкой.

– Ариана, познакомься, это Джереми. Ты не поверишь, но в прошлом году он играл главную роль в постановке «Мулен Руж». Как жаль, что мы не смогли посмотреть, – без зазрения совести врал она, – потому что нужно было ухаживать за твоей мамой. Но, можешь себе представить, если выдастся минутка, Джереми только для нас еще раз споет «Come What May»². Так сказать, приватное выступление.

Я выдавила изумленную улыбку, потому что взгляд Лиззи говорил: «Поговорим об этом позже». Слава богу, что в этот момент от дальнейшего вранья меня спас мистер Шторм, начав занятие.

«Тысячу раз спасибо!» – произнесла Лиззи одними губами за спиной Джереми. А потом: «Ну разве он не лапочка!»

Я только глаза закатила и повернулась к мистери Шторму, который говорил что-то вроде: «Весь мир – театр» и «Скорее всего, здесь вы узнаете гораздо больше, чем во всем лице». После пятнадцатиминутной речи о важности изучения искусствоведения для дальнейшего существования человечества я была готова придушить Лиззи за то, что она притащила меня сюда. Это желание превратилось в насущную потребность, когда седовласый хиппи чересчур воодушевленно воскликнул: «В театральном мире все на ты, дорогие мои!» – и велел называть его Корнелиусом, и достигло своего апогея, когда он потребовал, чтобы мы сели на сцену и с закрыты-

² «Come What May» – песня из фильма «Мулен Руж», исп. Николь Кидман и Юэн Макгрегор.

ми глазами «ощутили» присутствие остальных. Только умоляющий взгляд Лиззи удержал меня от того, чтобы в ту же секунду не сбежать из зала и не улечься где-нибудь на солнышке со стаканом ледяного кофе. Поэтому я закрыла глаза. И сколько бы я их ни открывала, Лиззи все равно была важнее, чем необходимость два часа просидеть в подвале с парочкой фриков. Мы с ней познакомились в суде. Она была дочерью нашего адвоката и посчитала, что мы могли бы подружиться, потому что, очевидно, скоро пойдем в одну школу. Она даже уговорила свою маму два года делать по утрам крик, чтобы мне не пришлось ездить в школу на автобусе. Именно она всегда защищала меня перед другими учениками, говоря: «Отвали и займись своими делами!» Она же прошлым летом каждый день подвозила меня к маме в клинику неврозов и помогла найти подработку официанткой, чтобы на восемнадцатый день рождения я наконец смогла купить себе машину.

Внезапно я снова почувствовала это странное покалывание на шее. Сколько я уже здесь сижу? Десять минут? Двадцать? Я не знала, но чувствовала, что кто-то за мной наблюдает. Я осторожно открыла глаза. «Если на меня пялится чудак Корнелиус, то этот «доктор искусствоведения» сегодня видит меня первый и последний раз», – пообещала я себе и незаметно огляделась. Корнелиус сидел с закрытыми глазами в другом конце зала. По его блаженной улыбке я поняла, что он и правда представляет себе присутствие своих учени-

ков. «Пфф...»

Лиззи сидела рядом со мной, скрестив ноги. Ее грудь поднималась и опускалась чаще, чем можно ожидать при подобной медитации. Правда, тыльная сторона ее ладони касалась коленки Джереми, следовательно, ничего удивительного. Мой взгляд переместился дальше и остановился на паре темно-зеленых глаз, которые смотрели прямо на меня. Владелец этих глаз был мне незнаком. «Почти незнаком», – вспомнила я. Это был тот тип в синей рубашке, который так метко прокомментировал падение Лиззи. Намек на улыбку коснулся уголка его губ, но он не отвернулся и не закрыл глаза. Он просто смотрел на меня. Через какое-то время мне наскучила эта детская игра в гляделки. Я фыркнула и приподняла бровь, как бы говоря: «Да кому это надо», и вернулась к «ощущению присутствия» одноклассников.

Но кого я обманываю? Естественно, я ощущала присутствие только одного человека. Я все еще чувствовала на себе его взгляд. За искорками в зеленых глазах скрывались озорство и еще что-то таинственное. Выразительные брови были сдвинуты, поэтому выражение его лица нельзя было назвать расслабленным. И еще эта полуулыбка, от которой у меня зашевелились волоски на шее. Откуда взялся этот парень? Судя по щетине на подбородке, он должен учиться со мной в выпускном классе. Нет, даже уже окончить школу. Это тот самый тип людей, по которым невозможно угадать возраст. Может быть, ему восемнадцать, а может – и больше двадца-

ти. Видимо, он один из сынков миллионеров, которые безуспешно пытались окончить кучу школ, а в результате загремели в этот лицей. Или посещает дополнительные курсы для выпускников, которые хотят подготовиться к поступлению в университет. Хотя выпускники, как правило, не участвуют в обычной школьной жизни...

В конце концов Корнелиус выдернул меня из далеко зашедших размышлений о новеньком. Он захлопал в ладоши и несколько раз прокричал по-итальянски: «Bravi!», а потом озвучил следующее задание. Я даже знать не хотела, продолжает ли новенький на меня смотреть. Поэтому постаралась не поворачиваться в его сторону. Я потянулась и помассировала затекшую ногу, когда внезапно перед моим лицом возникла рука. На указательном пальце – широкое кольцо из серебра и черной кожи. Кольцо сочеталось с кожаным браслетом вокруг крепкого запястья. Запястье переходило в накачанное предплечье, которое, в свою очередь...

«Ари, ты снова это делаешь!» – напомнила я себе и подняла взгляд выше, хоть и знала, что там меня ждут зеленые глаза. Чтобы не показаться невежливой, я взялась за его руку и встала. Тихо пробормотала: «Спасибо», но он меня не отпустил. Его взгляд скользнул к моей руке и обратно к лицу. Глаза сузились, он смотрел изучающе, как будто что-то искал. Я раздраженно нахмурилась.

– Я могу убрать руку? – спросила я и прокляла свой голос, которой прозвучал умоляюще, вместо того чтобы источать

сарказм.

Новенький несколько раз моргнул, словно все еще был где-то в своих мыслях.

– Конечно, – ответил он. – Она наверняка тебе еще понадобится.

Моя рука дрожала, когда он ее отпустил. Я поборола желание встряхнуть ею и вместо этого сунула в карман.

«Что за странный парень».

Слегка рассеянным жестом он провел рукой по темным волосам. Бессмысленная затея, потому что они тут же снова упали ему на лицо. Как если бы создатель этого произведения искусства мужского пола решил, что было бы неплохо заключить его точеные черты в живую рамку. Кому-нибудь другому я бы посоветовала хорошего парикмахера, но при виде подобного совершенства у меня руки чесались от желания прикоснуться к этой блестящей роскоши. Интересно, они действительно такие мягкие, как кажется?

За непослушными волосами мелькнули задорные искорки.

«Да прекрати же!» – приказала я себе и отвернулась.

А парень даже не подумал вернуться к занятиям. Я слышала, как Корнелиус что-то говорит о действии, реакции и отражении. Больше я бы все равно ничего не поняла, пока новенький пронзал меня взглядом, словно я была полкой в мебельном магазине, а он решал, подхожу я к интерьеру его комнаты или нет.

– Я – Ариана, – сказала я, повинуясь внезапному порыву. Как будто это могло разрядить обстановку...

Бровь удивленно взметнулась вверх: полка вдруг заговорила... И снова эта опасная улыбка.

– Я знаю.

Боже, его хриплый голос был похож на черный шелк. Он мог бы заработать состояние, озвучивая злодеев.

И тут он перестал обращать на меня внимание и отвернулся. В тот же момент ко мне подскочила Лиззи, которой обязательно нужно было сделать меня партнершей в странном упражнении про отражение, действие и реакцию. До конца занятия я изображала зеркало, в точности копируя все движения подруги. Когда раздался звонок с урока, а Корнелиус снова разразился криками: «Bragi!», я прочла в светящихся глазах Лиззи, что это не последний наш визит в царство искусства. И что мне грозит минимум час восхищений по поводу Джереми. Два факта, которые пробудили во мне тоскливое желание пойти домой.

Как только мы оказались за дверью, началось.

– Джереми такой... *бла-бла-бла*... – Солнце село за лесом, превратив небо в пламенеющее море. – ... *бла-бла-бла*... Ты видела, как он... *бла-бла-бла*...

Я и не заметила, что так быстро стемнело. Часы на башне

бывшей часовни показывали несколько минут восьмого.

– А когда он протянул мне руку... *бла-бла-бла...*

Мы прошли к парковке мимо дорожки, усыпанной гравием, которая вела к Корпусу Роз. Крыло, где жили девочки, называлось так, потому что стена первого этажа была густо увита розами. Во время цветения это смотрелось очень красиво, но на самом деле было скорее защитой от ночных визитеров, чем украшением.

– ...*бла-бла-бла...* А одна его улыбка... *бла-бла-бла...*

Ари!

Тем временем мы дошли до полуразрушенной от времени старинной стены, которая отделяла территорию лицея от соседних виноградников.

– Ари, – еще раз шикнула Лиззи и схватила меня за руку. Она замедлила шаг, а ее взгляд то и дело возвращался к старому буку, который рос у въезда на парковку. Я не сразу сообразила, почему Лиззи внезапно стала так подозрительно себя вести, пока не обратила внимание на фигуры, маячившие около каменного ограждения вокруг дерева.

У меня в животе что-то судорожно сжалось.

Брендон.

– Если хочешь, обойдем.

– Я терпела отца двенадцать лет и не буду сейчас бегать от Брендона.

Я поблагодарила небеса за то, что это прозвучало убедительнее, чем было в действительности. По крайней мере,

можно притвориться, что я сама себе верю. «Ну, в бой».

Лиззи внимательно посмотрела на меня, кивнула, выпрямила спину и широкими шагами пошла рядом со мной. Я практически слышала, как у нее в голове заиграла эпическая музыка. Наша общая храбрость почти достигла апогея, когда мы прошли мимо компании ребят.

– Эй, Брендон, это не твоя бывшая? – спросил один из них и, оскалившись, указал на меня.

Терпеть не могу такие ухмылочки.

– Ариана... – голос Брендона подействовал на меня, как холодный душ. – Здорово, что мы снова встретились. Кажется, ты меня избегаешь.

Он отошел от ограды и не спеша пошел ко мне. Я его проигнорировала, хоть это и было трудно, так как неожиданно меня накрыло волной неприятных воспоминаний. Лиззи снова меня спасла. Она взяла меня под руку и потянула за собой.

– Признай, мы же хорошо проводили время! – прокричал Брендон мне вслед.

Мои пальцы сжались на куртке подруги, что она сразу заметила.

– До или после того, как она разбила тебе нос, придурок? – бросила Лиззи и послала Брендону убийственный взгляд через плечо. А я буквально почувствовала, как его красивое лицо исказила гримаса ярости.

– Так вот какую историю ты рассказала своей подруге,

Ари?

Насмешка в его голосе меня поразила, хоть я и знала, что для него это единственный способ меня уколоть. Но я не хотела показывать, как сильно он меня задел. Ни тогда, ни сейчас. Поэтому я медленно повернулась и заставила себя ответить невозмутимо:

– Мне нет необходимости выдумывать истории, Брендон.

Я намеренно произнесла его имя, растягивая звуки, чтобы мои слова прозвучали выразительней. Сзади его друзья заржали так, как могут только мальчишки, которые еще не переросли пубертатный период. Мой бывший к ним не присоединился. Его светлые волосы сейчас были короче, чем в том году. Рыжевато-карие глаза язвительно сверкнули, как будто обещая, что мы еще не закончили. И как я только могла в него влюбиться?

Я почувствовала во рту горький привкус крови: прикусила щеку.

– Пошли, – прошептала Лиззи и повела меня в сторону парковки. – Я очень тобой горжусь, но не принимаю возражений: домой тебя довезу я. У этих идиотов не будет еще одного повода поржать.

Когда я садилась в машину Лиззи, сердце все еще колотилось. Она сразу ударила по газам и специально на скорости проехала мимо компании Брендона, чтобы это не выглядело как побег. В такие моменты я любила ее еще сильнее. И как раз хотела ей в этом признаться, когда увидела темную фи-

гуру, прислонившуюся к стене за старым буком. А еще я заметила, как за мной задумчиво наблюдают зеленые глаза.

Глава 2. С такими друзьями...

Как и всегда, утром телефон разбудил меня громким сигналом будильника. К сожалению, он не знал, что сегодня мне к третьему уроку. О'кей, я могла бы ему об этом сказать, все-таки общение – залог счастливых отношений. Но у нас с мобильником в этом плане проблемы.

Я не стала будить маму, потому что знала, насколько тяжелые у нее смены в доме престарелых. Сидя в одиночестве за кухонным столом, я впахивала в себя мюсли. Осилила три ложки, когда телефон снова зазвонил. На дисплее появилось сообщение от «Неповторимой Лиззи». Она сама себя так переименовала в моем телефоне.

«УТРЕЧКА, ЛЕНТЯЙКА. УЖЕ БЫЛА НА ЗАРЯДКЕ. ПИЛАТЕС В ПАРКЕ».

Я подавилась хлопьями. Лиззи на зарядке в лицее? Добровольно? Это могло означать только одно:

«А С ТОБОЙ ТАМ ЧИСТО СЛУЧАЙНО НЕТ ТОГО САМОГО ДЖ.?»

Не прошло и пяти секунд, как пришел ответ: «ЭЭЭХ:-)»

«А ТЫ НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛА?» – напечатала я немного обиженно. Так как вчера из школы я приехала с ней, сегодня она должна была за мной заехать по пути в лицей. Моя-то машина так и осталась на школьной парковке.

Мобильный снова зазвонил.

«ОЙ-ОЙ!:-(»

Да, именно «ой-ой». Следующее сообщение от Лиззи обещало: «Я ИСПРАВЛЮСЬ! ЧЕСТНО-ЧЕСТНО!!!!» Но мне было все равно. Разозлившись, я доела завтрак и протопала по лестнице наверх. Не отвечать сразу будет лучше для нас обеих. В таком настроении, как сейчас, я могла обвинить Лиззи даже в резком похолодании.

Приняв горячий душ и укутавшись в несколько слоев теплой одежды, я вышла из дома.

Мы жили в небольшом поселке, состоявшем всего из нескольких домов. Официально он относился к Сент-Петербургу в трех километрах езды, но мы здесь, за его пределами, практически ничего не знали о сельской жизни. Поэтому, это не так уж плохо, потому что даже туристы называли Сент-Петербург беспробудно скучным. Стоило кому-нибудь хоть раз заглянуть за красивые фасады этой деревушки, как все жители – от стариков до маленьких детей – мутировали в шпионов маленькой страны с тотальным контролем, где единственная валюта – свежие слухи. Нет уж, спасибо. Этого мне хватает в лице.

Одновременно со мной на улицу забрать почту вышел сын наших соседей. Я быстро кивнула ему и поскорее пошла вперед, чтобы он не успел со мной заговорить. Феликс был на пару лет старше меня и работал на заводе в Сент-Петербурге. Когда мы переехали, он помогал мне таскать коробки и двигать мебель в комнате. Он всегда был симпатичным, и от

него потрясающе пахло огнем и снегом. Поэтому я два раза ходила с ним в кино, пока он не стал слишком навязчивым. Феликс из тех парней, которые наблюдают даже за тем, как ты дышишь, но при этом абсолютно не следят за темой разговора.

Когда улица скрылась за лесом, я облегченно выдохнула. Может, мне просто показалось, но могу поклясться, что преданный взгляд его глаз провожал каждый мой шаг.

Наконец-то я снова одна. Пешком дорога до лица заняла чуть больше часа, но это в любом случае лучше, чем сначала тащиться в обратном направлении до Сент-Питерса, а оттуда еще полчаса трястись в автобусе по полям до лица. К тому же движение – это жизнь, а свежий воздух – тем более. Я дала себе слово чаще так гулять, хоть и точно знала, что никогда его не сдержу. Для этого я слишком любила спать.

Мимо меня, громко сигналив, пронесся серый «БМВ». Я мельком увидела Побрякушек ДД, которые тыкали в меня пальцами и громко смеялись.

«Пфф... Ну, зато на случай аварии у них есть по две лишние подушки безопасности...»

Не впечатлившись, я шагала дальше, пока моя сумка не начала вибрировать. Лиззи.

– Что такое? – сухо спросила я в трубку.

– Мне было стыдно, потому что из-за этого дурацкого пилатеса я забыла за тобой заехать. А потом ты замолчала, и

теперь мне еще больше стыдно. Но можешь считать, что я уже наказана: у меня болят все мышцы. И это уже сейчас. А к завтрашнему утру я вообще не смогу двигаться. И клянусь чем угодно, я больше никогда не совершу ни одного лишнего движения.

Несмотря на обиду на подругу, улыбка сама появилась на моем лице.

– Все нормально. Мне сегодня к третьему уроку. Я просто пошла пешком.

– С ума сошла? В такую погоду?! Ты далеко? Я тебя заберу.

Если и было что-то, что Лиззи ненавидела сильнее, чем спорт, так это холод.

– Спокойно, я уже у Ворот Тимеона, – я немножко преувеличила, чтобы она успокоилась. Но с Лиззи так просто не договоришься.

– Стой там, буду через семь минут.

Я усмехнулась, убрала телефон и побежала. Если я чуть-чуть потороплюсь, то успею как раз вовремя, чтобы прикрыть свой маленький обман.

С горной дороги я свернула на отвесную лесную тропинку. Благодаря длинному изгибу она сокращала путь на десять минут. Когда рев мотора объявил о приближении еще одной крутой машины, я быстро забралась выше на скалу, чтобы с дороги меня было не видно. Снова стать предметом для шуток Побрякушек или кого-то еще из школы абсолют-

но не хотелось.

Позади меня рычание превратилось в равномерный рокот. Я остановилась. Кто-то меня заметил? Через несколько секунд звук мотора снова усилился и в конце концов растворился где-то в лесу. Вместо того чтобы размышлять о непонятном поведении хозяина какого-то спорткара, я сосредоточилась на ветках и сыплющихся у меня на пути камнях. Я прыгнула, прокатилась по отвесному склону и с торжествующим смехом приземлилась обратно на асфальтированную дорогу. Передо мной были Ворота Тимеона. Над ними качалась потрепанная табличка «Вход воспрещен». Абсолютно неуместная, потому что участок за деревянной оградой зарос деревьями и не выглядел гостеприимным.

Признаков приближения Лиззи еще не наблюдалось, поэтому я залезла на забор и стала ждать. Деревянные доски подозрительно заскрипели, но выдержали мой вес. И за это наградили меня парочкой заноз. Когда я поднесла к губам пораненный палец, вернулся рычащий мотор. Черный «Мустанг» на высокой скорости вошел в поворот. Тот самый «Мустанг», который вчера красовался на парковке. Как и в прошлый раз, тонировка скрывала лицо водителя. Он просто пронесся мимо. Не сигналил, не выпендривался, не насмеялся.

Только я выдохнула, как визг тормозов нарушил сельскую идиллию. Несколько слишком долгих секунд слышалось только пение птиц. Я уставилась на заднюю часть авто-

мобилья. По необъяснимой причине сердце забилося где-то в районе шеи. Затем шок сменился острым желанием сбежать: машина дала задний ход. Я хотела спрыгнуть с забора, но ноги не слушались. «Мустанг» подъезжал ко мне. Ну, и куда мне бежать? В лес?

Машина остановилась напротив. Дверь распахнулась, и из нее вышел тот странный парень из театральной студии. Он был весь одет в черное, что в сочетании с темными волосами создавало угрожающий эффект. Его брови сошлись на переносице, когда он пошел напрямиком ко мне.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он своим голосом рок-звезды. Прозвучало так, словно он еле держал себя в руках. «В смысле?!»

– И тебе доброе утро! – проворчала я куда-то себе в шарф. Слава богу, в это время красный «Мини Купер» Лиззи выскочил из-за поворота и затормозил прямо перед «Мустангом». Я еще никогда так не радовалась при виде рыжей шевелюры подруги. Ноги снова меня слушались, и я как можно элегантней слезла с ограды. К сожалению, мой шарф зацепился за ветхую деревяшку, что самым жалким образом уничтожило всю элегантность. Я попыталась освободиться, когда почувствовала на своей руке чужую ладонь.

– Ты не ответила на вопрос, – процедил новенький.

– Доброе утро, голубки! – крикнула Лиззи в открытое пассажирское окно. Новичок не обратил на нее внимания. О, да он точно нарывался.

– Вот уж не думала, что тебе интересно, – фыркнула я и вырвалась, не придав значения странному сочувствующему взгляду Лиззи. Закинула сумку в открытое окно «Мини Купера» и вместо приветствия коротко сказала: – Поехали.

Я потянула ручку двери, но ничего не произошло. Подергала опять и укоризненно глянула на Лиззи.

– Исчезни, Фелицитас. Тебя это не касается, – произнес томный голос за моей спиной. Я хищно улыбнулась про себя. Ну, теперь пусть пеняет на себя: Лиззи никому не позволяла так с собой разговаривать.

Но Лиззи перевела взгляд с меня на незнакомца и обратно, помедлила и, к моему ужасу, кивнула.

– Увидимся в школе, – с этими словами она подмигнула и включила заднюю передачу.

– Серьезно? Ты же не можешь просто бросить меня здесь одну неизвестно с кем?! – я была ошеломлена. Это она так шутит?

– Послушай, дорогая. Знаю, мы договорились его игнорировать, но Люциану правда нужно обсудить с тобой кое-что важное.

– Люциану?! Ты знакома с этим сумасшедшим? – мой голос сорвался.

– Хватит. Я понимаю, что три месяца – это не три года, но он имеет право знать, почему ты тогда с ним рассталась.

«Что-что я сделала?!» Да как она может такое говорить?

У меня за плечом раздалось довольное:

– Спасибо, Фелицитас. Я потом привезу ее в школу.

Моя так называемая подруга снова мне подмигнула, будто делала величайшее одолжение в мире. И уехала. А я окончательно растерялась.

– Очень забавно. Ха-ха. Все уже достаточно посмеялись! – прокричала я, но Лиззи уже поворачивала. Я смотрела вслед красному «Мини Куперу», пока он не исчез в густом лесу за поворотом. Почему она так поступила?

Холодное покалывание поползло вверх по моему позвоночнику, и я вспомнила, что нахожусь здесь не одна. Одновременно с этим у меня внутри закипал гнев. Я обернулась.

– Что ты с ней сделал? – заорала я на незнакомца, которого, очевидно, звали Люциан.

– Ответ на вопрос, тогда я отвечу на твой, – парировал он, не пошевелившись.

– Ты меня знаешь!

Какие бы правила ни были в этой идиотской игре, я не собиралась подыгрывать. Решив позвонить в полицию, я осознала, что мой телефон лежал в сумке, которая осталась у Лиззи в машине. Мысленно выругавшись, я постаралась не подавать виду. Значит, просто уйду пешком.

Но я не прошла и двух метров. Что-то меня удерживало. Воздух словно превратился в невидимую стену.

– Ты никуда не уйдешь, пока я не получу то, что хочу.

Я попробовала еще раз. Бесплезно. Понимаю, что просто стояла с открытым ртом, как мертвая рыба на прилавке, но

ничего не могла с этим поделаться.

Люциан скрестил руки на груди и холодно смотрел на меня.

– Как ты это делаешь? – выдавила я.

Он тихо рассмеялся:

– Тебе это отлично известно, поэтому побереги невинное выражение лица для кого-нибудь другого.

– Достаточно!

Что бы ни мешало мне сбежать отсюда, оно не мешало идти в сторону наглеца Люциана. Что я и сделала.

– Ну, и что мне должно быть отлично известно? Что мы встречались? Такого не было! Я тебя не знаю! Как ты сделал вот это? – я махнула рукой в сторону воздушной преграды. – Кто ты такой? Я тебя знать не знаю! Хотя погоди: ты просто рехнувшийся психопат!

Я злобно смотрела на него. И мне абсолютно не мешал тот факт, что он был на голову выше меня. Но о чем я не подумала, так это о том, что окажусь прямо между ним и его «Мустангом». Он сделал шаг ко мне.

– Что ты делала у Тимеона сегодня ночью?

Еще шаг.

– Ты точно псих. Я была дома!

– Как тебе удалось закрыть мне доступ?

Шаг.

– Да какой доступ?! – гнев плавно перерастал во что-то другое. Мне становилось страшно. А если это не шутка во-

все? Что, если он чем-то подкупил Лиззи, шантажировал или загипнотизировал? «Спокойно, Ари. Держи себя в руках».

Теперь он стоял прямо передо мной, не сводя с моего лица взгляда зеленых глаз. Внезапно на меня навалилась усталость и ощущение чего-то теплого коснулось висков. Моя спина мягко опустилась на «Мустанг». Но я этого практически не заметила. Потому что тонула в его глазах.

– Я имел в виду этот доступ, – его хриплый голос медом ложился поверх моих мыслей. – А ты сильнее, чем я ожидал. Сильнее? Что значит «сильнее»?

– Ариана, где Танатос?

Я моргнула. Мне не послышалось? Танатос... Незнакомое имя. Или нет? Но откуда? Я силилась стряхнуть сонливость.

– Танатос? – слабо повторила я. Даже нахмурить лоб казалось невозможным. Люциан оперся рукой на «Мустанг» около моего лица. От него так приятно пахло. Свежая земля, дождь, ветер, давящий зной над бушующими волнами. Он пах летней грозой на море.

«Скажи мне, Ариана», – нежно убеждал он. Через мгновение я поняла, что его голос звучал у меня в голове. Понятия не имею почему, но я просто приняла этот факт.

«Где Танатос? Ты была там, я чувствую на тебе его запах. Где он?» – его нежные слова были чистым соблазном. Он ласкал, требовал.

«Вспомни!»

Он заманивал.

«Расскажи мне! Твой папа не против. Потому что он тебе доверяет. Он любит тебя».

ОН УГАДЫВАЛ!

У меня в голове вдруг резко прояснилось, вся усталость испарилась.

– Пусть мой папа горит в аду! – прошипела я.

Какой-то ненормальный появляется ни с того ни с сего и начинает угрожать? Само собой, к этому приложил руку мой отец.

Люциан удивленно взглянул на меня и... расхохотался:

– Да пусть!

Что бы он со мной ни сделал, все прошло. Я просто знала это. В моей голове не было больше никого.

– Ты упрямей, чем я думал.

Он вытащил нож. Нет, он просто возник в его руке. Мое сердце пропустило удар. Я не могла отвести глаз от лезвия. Причудливый блестящий узор струился по металлу. Как будто нож светился изнутри.

– Ариана, я не хочу причинять тебе боль, но сделаю это, если ты не расскажешь мне, что ты знаешь.

У меня затряслись руки.

– Я понятия не имею, о чем ты, – ответила я, запинаясь.

Внезапно пришло воспоминание. «Немезида VII. Изара. Танатос». Это было написано на одной из папок на бракоразводном процессе. Папин адвокат на протяжении всего слушания щелкал по ней ручкой. Естественно, я погуглила эти

имена, но нашла только статьи о греческих богах. Это мне сейчас мало помогло бы.

Люциан оттолкнулся от «Мустанга» и схватил меня за горло. Мой затылок больно ударился о кузов машины. Все закружилось. На глаза навернулись слезы.

– Ты что-то знаешь! – его голос сейчас мало отличался от рычания. Опасного рычания. Он прижал кончик ножа к моей шее. Светящийся металл был холодным, как лед. А сам он – теплым.

Я собрала последние остатки упрямства.

– Ну, давай. Сделай это наконец! – просипела я и порадовалась, что голос не надломился. – А я-то всё спрашивала себя, когда уже отец отправит кого-нибудь меня убить!

А в следующий момент я была свободна. Он отпустил меня так быстро, будто обжегся.

Я потеряла саднящее горло и настороженно следила, как он вышагивает передо мной туда-обратно. Если бы не было «Мустанга», на который я могла облокотиться, я бы уже давно упала. Люциан постоянно проводил руками по темным волосам. Между бровей появились две упрямые складки. Было буквально видно, как работает его мозг. Потом он резко остановился и уставился на меня. Поднялся ветер. На пустынной улице взлетели листья. Я набралась смелости и посмотрела ему в глаза. Они были уже не зелеными, а черными. Он заговорил на незнакомом языке. Я вздрогнула, захотела убежать. Не вышло. Он поднял нож, полоснул себе по

ладони и пошел ко мне.

«Что, черт возьми, он творит?» – подумала я, хотя было ясно, что вопрос должен звучать иначе: «Что, черт возьми, он такое?»

Не прерывая потока непонятных слов, он поднял кровоточащую руку и прижал к моему лбу. Тут же запульсировала боль. Не существовало ничего, кроме боли. Бесконечной боли. Я закричала и упала. Потом все почернело.

Глава 3. Враг моего врага...

Когда я открыла глаза, то первым делом увидела над собой расплывчатые черты маминого лица. Я лежала у себя в комнате. За окном уже стемнело.

– А, ты проснулась. Как себя чувствуешь? – спросила она заботливо.

Как я себя чувствовала? Сбитой с толку. Как я добралась до дома? Что произошло? И почему мама вытаскивает у меня изо рта градусник? Во всем остальном я чувствовала себя на удивление хорошо.

С удовлетворенным вздохом мама продезинфицировала градусник и ответила на последний из непрозвучавших вопросов:

– Температуры нет.

– Почему я в постели, мам?

– Я тебя уложила, золотце, – она сочувственно покачала головой. – Разве ты не помнишь? Утром мы позавтракали, а потом ты побледнела и у тебя закружилась голова, – объяснила мама. – Я позвонила в лицей.

– Мы завтракали вместе?! – пробормотала я.

– Да, у тебя не было двух первых уроков, поэтому я подумала, что маленький семейный завтрак не повредит.

Я решила дальше не спрашивать. Если я честно выложу маме свою версию событий сегодняшнего утра, то она ли-

бо сойдет с ума от беспокойства за меня, либо усомнится в своем собственном психическом состоянии. Сейчас она была настолько нестабильна, что я в любом случае не могла допустить, чтобы она пережила еще один нервный срыв. Тем более я сама была не уверена, что на самом деле случилось.

Мама поцеловала меня в лоб и с улыбкой закрыла дверь в мою комнату. Я тут же схватила мобильный и набрала Лиззи.

Через четырнадцать гудков она наконец-то ответила.

– Приветик, больная. Как самочувствие? – фоном играла гитара и слышны были характерные звуки, которые издает толпа подростков, собираясь у костра. Она была на Причале Леонарда.

– Я не больна! – упрямо сообщила я.

– Ты не... Ах ты, хитрая лиса! Прогоуляла тест по химии! – видимо, она еще не закончила с этим странным розыгрышем. Я перешла в нападение:

– Почему ты оставила меня одну с Люцианом?

– Что я сделала?

– Сегодня утром у Ворот Тимеона.

– Подружка, мы с тобой сегодня не виделись. А если ты общалась с Люцианом, почему, блин, я об этом узнаю только сейчас?! Что он сказал? Вы помирились? И вы снова вместе или мы продолжаем его игнорировать? Кстати, он где-то здесь.

– Я никогда не... Он что?

– Он здесь. На озере.

– Не двигайся с места. Я иду.

– Узнаю свою девочку! Школу прогуливает, а вечером на вечеринку!

– Пятнадцать минут, – добавила я и положила трубку.

Бесполезно спрашивать ее еще о чем-то по телефону. После всего, что случилось, я вообще сомневалась, не в сговоре ли Лиззи с Люцианом или он ею манипулирует.

Я быстро натянула джинсы и бирюзовую водолазку и схватила сумку. «Моя сумка? Как она сюда попала?»

И тут я вспомнила, что моя «Тойота» все еще стоит у ливнея. Но это экстренный случай. Я возьму мамину машину. Я заверила ее, что хорошо себя чувствую и просто хочу доехать до Лиззи, чтобы взять конспекты уроков. Быстро запрыгнув в мамин универсал, пока мама не загнала меня обратно в кровать, я завела машину и нажала на газ.

Причал Леонарда был прогнившей пристанью, которая каждую среду превращалась в площадку для вечеринок на озере. Еще я издалека почувствовала запах костра. Припарковав универсал под дубом, я пошла на звуки смеха и аккорды «Hotel California»³.

Половина наших старшеклассников и парочка ребят из деревни расселись у костра и слушали, как Тоби Салливан

³ «Hotel California» – песня группы «The Eagles».

поет под гитару. Тоби уже давно окончил школу, но еще ходил на дополнительные курсы для выпускников. Его стиль застрял где-то в золотых двадцатых. Классические брюки, рубашка с высоко закатанными рукавами, подтяжки, шляпа... что-то из этого на нем было всегда. Он был одним из немногих лицеистов, которые здоровались, когда проходили мимо меня.

Мой взгляд бродил по компании избранных в надежде наткнуться на рыжие волосы. Бинго! Внизу на причале стояла Лиззи. Я уже спускалась вниз по склону, когда передо мной вырос темный силуэт. Бушующее море и хлесткие капли дождя сквозь солнечные лучи. Запах летней грозы. По спине пробежала холодная дрожь.

– Что ты здесь делаешь? – спросил меня Люциан. Блики костра окрасили одну половину его лица теплым золотом, а другую погрузили в тень.

– Не приближайся ко мне! – вот и всё, что я смогла выговорить. Воспоминания о боли, от которой я потеряла сознание сегодня утром, сковали мне горло. Музыка прекратилась. Вдалеке кто-то кричал. Я лишь едва это замечала. Люциан схватил меня за руку и пристально посмотрел в глаза.

– Забудь о том, что произошло, Ариана! – приказал он. Его голос был спокойным, но в нем слышались тревожные нотки. Он взглянул на костер.

– Веди себя так, словно ничего не случилось! Ты поняла? Ответить я не успела, потому что вдруг рядом с нами оста-

новился Тоби.

– Привет, Ари. Здорово, что ты здесь, – сказал он и подарил мне очаровательную улыбку.

В этот момент мне захотелось его расцеловать.

– Не хочешь присоединиться к нам у огня? Своего друга тоже бери.

Расхотелось. Я собиралась как можно скорее прояснить ситуацию, но Люциан меня опередил.

– Обо мне не беспокойтесь, – проговорил он, – я как раз собирался уходить.

Последний раз смерив меня взглядом, в котором читалось: «Не забывай, что я тебе сказал», он удалился.

Глядя ему вслед, Тоби вопросительно изогнул бровь:

– Он тебя достает?

Как же мне хотелось сказать «да», но что-то меня остановило. Ну всё, я точно свихнулась.

– Нет-нет, – неопределенно махнула я рукой, – я просто искала Лиззи.

– Такую высокую, рыженькую?

Я улыбнулась:

– Да, именно.

Тоби изучающе посмотрел на меня, и я решила, что он слышал, как колотилось мое сердце. Но потом он широко улыбнулся.

– Последний раз я видел ее внизу на причале.

В ответ на мою благодарность он подмигнул и вернулся к

костру, где по нему и его гитаре уже смертельно соскучилась орущая компания.

Меньше чем через десять секунд я за руку оттащила Лиззи в сторону, не дав ей посплетничать, и усадила рядом с собой на холме.

– Что тут творится? – набросилась я на нее.

– И тебе привет, – она высвободила руку с таким видом, будто я сделала ей больно. – Какая муха тебя укусила?

– Это меня муха укусила? Ты меня сегодня продинамила, поэтому мне пришлось идти в школу пешком. По пути меня встретил этот тип по имени Люциан. Да, по пути! То есть посреди леса, непонятно где. Задавал странные вопросы... А потом появилась ты и просто оставила меня там стоять. Ты постоянно твердишь, что я встречалась с Люцианом. Но этого никогда не было! Поверь мне, я бы такое не забыла. А когда под этим неубедительным предлогом ты бросила меня с ним одну, он начал применять силу. Душил меня, потому что я не могла ему сказать, где какой-то там греческий бог. И вытащил нож. Нет, даже кинжал. Такую старинную штуку, которая к тому же светилась. А потом он порезал себе ладонь, чтобы вымазать мне лицо кровью, а глаза у него почернели. И, как будто этого недостаточно, я очнулась в своей постели, а мама уверяет меня, что завтракала со мной и отпросила меня с занятий, так как мне стало плохо. Моя сумка, которая осталась у тебя в машине, каким-то образом очутилась у меня в комнате, а ты утверждаешь, что видишь меня

сегодня впервые. Поэтому не смей спрашивать, какая муха меня укусила!

Лиззи уставилась на меня круглыми глазами. Я боялась, что она вот-вот разразится смехом и обзовет меня сумасшедшей. Но она этого не сделала. Вместо этого она просто смотрела на меня. Ее рука непроизвольно дернулась к шее. Лоб нахмурился, словно она силилась что-то вспомнить.

– У него почернели глаза? – тихо спросила она. Я смогла только кивнуть. «Она мне верит?»

– Ты уверена? – переспросила Лиззи. Я снова кивнула. Она вскочила на ноги.

– Мне нужно домой. Срочно, – она уже пересекла половину холма, но вдруг вернулась ко мне.

– Ты идешь со мной. Нельзя просто бросить тебя здесь одну, – рассеянно пробормотала она и решительно в меня вцепилась. Я растерянно поплелась за ней, когда вдруг по спине побежали ледяные мурашки. В следующую секунду я врезалась в Лиззи.

– О, нет. Не подходи ко мне! – зло воскликнула она. Я попыталась выглянуть из-за ее плеча, чтобы выяснить, почему мы так резко затормозили. И все поняла, услышав хорошо знакомый хриплый голос. Люциан.

– Не вмешивайся, адепт, – сказал он, с трудом сдерживая гнев. Но Лиззи это не испугало.

– Ты нарушил договор. Держись от нее...

Она не договорила. С лица исчезла всякая осмыслен-

ность, и, не сказав больше ни слова, она пошла вперед. Она просто уходила.

– Лиззи! – звала я, но она не реагировала. Она продолжала идти вверх по склону, удаляясь от остальных. Я послала Люциану слишком пренебрежительный для моего положения взгляд и хотела догнать подругу. Но что бы я ни делала, она даже не замедляла движения. Лишь достигнув кромки леса, она остановилась, свернулась калачиком на холодной земле и... уснула.

– Так мы сможем спокойно поговорить.

Я обернулась. Он напугал меня до смерти! Я даже не заметила, что Люциан шел за нами. Теперь он стоял передо мной, по-прежнему весь в черном. И хотя я знала, что в какой-то сотне метров от нас находилось около тридцати человек, мне все равно стало страшно.

Он рявкнул:

– Никогда не показывай, что тебе страшно! Разве подружка тебя этому не научила?

Он закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул, как будто пытался вернуть себе самоконтроль. На челюсти дернулся мускул.

– Нет, не научила, – у меня задрожал голос. Я не рискнула добавить что-то еще. Даже спросить, что он сделал с Лиззи. «Если встретишь хищника, не вздумай его провоцировать», – однажды объясняла мне мама. В тот раз она имела в виду одного недалекого банкира, но, думаю, к этому стран-

ному незнакомцу ее слова подошли бы как нельзя лучше.

– Послушай, Ариана. Даже если ты мне не веришь, ты правда в опасности, – он очень старался говорить спокойно.

– Потому что ты собираешься закончить то, что начал сегодня утром? – выпалила я в ответ. Он нетерпеливо покачал головой:

– Нет. Потому что то, что я сделал утром, привлекло некоторое внимание.

– Чье?

– Ариана, пожалуйста, прекрати задавать вопросы, – двумя пальцами он помассировал переносицу, как при сильной головной боли. – Ты сидишь в треснутом стеклянном шаре посреди аквариума с акулами и без остановки бьешься о стекло. Харрис должен был бы как минимум научить тебя сдержанности.

Одного упоминания о моем отце было достаточно, чтобы мое терпение лопнуло.

– Прости, что?! Единственное, что тут треснутое, – это твоя башка. Сейчас же разбуди Лиззи и исчезни из моей жизни раз и навсегда!

Уперев руки в бока, я встала напротив него. Я старалась выглядеть устрашающе, как он, но получилось, видимо, наоборот. Очень медленно брови Люциана поползли вверх. Он пытался побороть улыбку, но проиграл. Это выглядело настолько удивительно и так сильно его преобразило, что у меня перехватило дыхание. Это лицо было создано, чтобы так

улыбаться...

Люциан рывком повернул голову. Суровые черты моментально вернулись: он к чему-то прислушивался.

– Слишком поздно, – проговорил он себе под нос. – Забрай свою подружку и уматывай.

– Ари? – Лиззи потерла спросонья глаза. Тут ее взгляд упал на Люциана: – Ты?! Ты украл мой амулет... ты... что ты здесь забыл? Ари, что он тебе сделал?

– Сейчас неподходящее время для болтовни, сестричка. Като уже на пути сюда.

Лиззи побледнела.

– Сколько?

– Четверо или пятеро, – ответил он. – У тебя есть оружие? Печать?

Она помотала головой, на лице появилось извиняющееся выражение.

– Н-нет. Я еще прохожу обучение.

– Ну, конечно, как же иначе, – Люциан разочарованно вздохнул. – Где твоя машина?

– Там, внизу, – она показала на свой красный «Мини Купер» с белыми полосками, который стоял за большим кроссовером.

– Уведи Ариану как можно дальше от остальных. В безопасное место, – проинструктировал Люциан. Лиззи послушно кивнула. До сих пор я молча следила за их разговором. Во-первых, потому что я еще не переварила происходя-

щее. Во-вторых, потому что напряжение в голосе Люциана пугало меня сильнее, чем он сам. Но так как эти двое, казалось, прекрасно друг друга понимали, а мне в голову приходили сплошь дикие мысли, я решила вмешаться.

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Люциан не обращал на меня внимания.

– Быстро! – поторопил он Лиззи. Она схватила меня за руку и просто потащила за собой.

Полное сумасшествие. Позади нас Тоби играл «Free Falling»⁴, Люциан пропал, а Лиззи неслась так, словно мир сейчас рухнет. Приглушенный шум эхом отозвался в лесу. Я остановилась и оглянулась. Все выглядело абсолютно нормально.

– Давай же! – закричала Лиззи. Она в панике затолкала меня на переднее сиденье и обежала «Мини Купер». Темная тень летела по улице. Я застыла. Лиззи включила зажигание и с такой силой вдавила педаль газа, что завизжали шины, а меня вдавило в сиденье. У Лиззи дрожали руки. Она хотела включить дальний свет, но попала по поворотнику. Потом заработали дворники. В конце концов фары «Мини Купера» осветили дорогу. Лиззи пролетала повороты на бешеной скорости. А у меня в голове мелькали образы перевернутых и смятых, как консервные банки, машин. Я была не против быстрой езды, когда знала, что водитель полностью контролирует ситуацию. В случае с Лиззи у меня не было та-

⁴ «Free Falling» – песня Тома Петти.

кого ощущения.

Вдруг мои плечи сдавил ремень безопасности.

– Почему ты затормозила? – спросила я в замешательстве. Не то чтобы я возражала. Эта поездка была хуже американских горок.

– А нужно было перескочить через бревно? – Лиззи кивнула на совершенно пустую дорогу перед нами.

– Там нет никакого бревна, Лиззи.

Она вытаращилась на меня как на сумасшедшую.

Громкий удар сотряс машину. Что-то приземлилось на крышу. А вот теперь мне стало по-настоящему страшно. Лиззи нажала на кнопку блокировки замков. «Очень обнадеживающе...» Стук, треск, а потом Лиззи завизжала, когда задняя дверь «Мини Купера» распахнулась. На заднее сиденье завалился Люциан.

– Господи, я чуть от страха не умерла! – истерически завопила Лиззи.

– Газуй! – было единственным ответом.

– Но бревно...

– Газуй! Это иллюзия! – нетерпеливо перебил Люциан.

– Но...

Люциан рассерженно зашипел, перегнулся через водительское сиденье и дотронулся до плеча Лиззи. Ее лицо сразу расслабилось, машина тронулась с места. Я с удивлением отметила, как изменился ее стиль вождения. Она ехала быстро, уверенно и спокойно. Глаза смотрели прямо перед

собой, Люциан тоже сосредоточился на дороге. На его лице появилась царапина. Тем не менее он излучал спокойствие, которое охватило и меня. Мой пульс начал успокаиваться.

– Это же ты ведешь машину, да? – свой вопрос я адресовала ему.

Но прежде чем я услышала ответ, его глаза сузились. Я посмотрела вперед, чтобы узнать, что вызвало такую реакцию. На улице стояла темная фигура. Это был мужчина в толстовке с капюшоном. Он вытянул руку, словно хотел одним этим жестом остановить машину. Мои ногти впились в кожаную обшивку двери.

– Лиззи, стой! – заорала я в ужасе. Она даже не дернулась.

– Ты пристегнута? – спросил Люциан, не отрывая взгляда от человека на дороге.

– Ты же не собираешься его переехать? – закричала я.

– Ты пристегнута? – снова зарычал он.

– Да!

– Тогда держись! – он заставил Лиззи увеличить скорость.

Я, не дыша, вжалась в сиденье. Но столкновения не произошло. За секунду до того, как «Мини Купер» должен был его протаранить, мужчина просто подпрыгнул в воздух. Я не была уверена на сто процентов, но мне показалось, что его глаза сверкнули черным. Что-то снова упало на нас сверху. На этот раз удар был таким сильным, что крыша прогнулась внутрь. Люциан выругался. Металлическую крышу разорвал кулак и потянулся ко мне. Я инстинктивно отшатнулась в угол са-

лона, чтобы не попасть под шарящие в пустоте пальцы. Но найти меня они не успели: Люциан схватил руку и со всей силы дернул вниз. Звук, с которым голова нападающего ударилась о крышу машины, был далеко не самым приятным.

– Позаботься о том, чтобы твоя подружка не съехала с дороги! – это были его последние слова, после чего он потянулся к дыре наверху. Одним мощным движением он оторвал кусок металла, как будто мы сидели не в машине, а в консервной банке. Он выбрался на крышу, где тут же завязалась драка. Однако мне пришлось переключить внимание, потому что в это время Лиззи учащенно задыхалась, приходя в себя.

– Не останавливайся! – я пыталась перекрыть звуки, раздающиеся над нами. «Мини Купер» тут же снова тряхнуло от глухого удара. Я рискнула бросить взгляд наверх. Люциан сидел на коленях над противником и рукой держал его за горло. Другой рукой он пытался вывернуться из мертвой хватки второй темной фигуры. Долго против двоих он бы не продержался. Я обвела глазами салон в попытке найти что-нибудь, что могло помочь Люциану. Понятия не имею, почему я заняла его сторону, но у меня не было времени на борьбу со своей интуицией. Взгляд упал на провода прикуривания, которые всегда валялись у Лиззи на заднем сиденье, потому что, по ее словам, ей было слишком лень постоянно их вытаскивать, а аккумулятор в моей «Тойоте» разряжался почти через каждые два дня. Я схватила кабель. Люциан

несколько раз ударил парня за своей спиной локтем в живот, но того это, казалось, абсолютно не беспокоило. Я знала, что Люциану потребуются обе руки, чтобы от него избавиться. Поэтому я накинула кабель на шею мужчины, прижато-го к крыше. Изумление на лице Люциана сменилось опасной усмешкой. Он отпустил свою жертву, когда я всем весом повисла на проводах. Удерживать человека за шею было труднее, чем ожидалось. Но Люциана это уже не волновало. Он воспользовался замешательством второго преследователя и избивал его до тех пор, пока не сбил с ног. Потом произнес что-то, чего я не смогла разобрать, и повернул голову упавшего на девяносто градусов. Я была в шоке. «А чего еще ты ожидала?» Он сломал шею этому человеку. Он его убил...

Но вместо того, чтобы безжизненно скатиться с крыши, тело нападавшего превратилось в тлеющий пепел. Мужчина, которого я продолжала душить, хрипел и извивался. Когда на лобовое стекло прыгнул еще один парень, Лиззи завизжала. Она вывернула руль, машина вильнула в сторону. Все, что я могла видеть, – это кусты и стволы деревьев, которые выхватывал свет фар. «Мини Купер» перевернулся. Лиззи закричала. Передо мной что-то хлопнуло, отбросив обратно на сиденье. Отчаянно заскрипел металл, колющая боль пронзила мое плечо. Потом наступила темнота.

Резкий рывок привел меня в сознание. Когда я открыла глаза, болело всё тело, ребра и плечи горели огнем. Чьи-то руки грубо выдернули меня из машины. Я не могла долго пробыть в обмороке... Перекошенное от злости лицо появилось в поле моего зрения: это был тот тип, которого я чуть не задушила.

– Ты за это заплатишь! – едко пообещал он. А после этого схватил меня за волосы и высоко поднял. Перед глазами поплыло, но адреналин не позволил мне снова лишиться чувств. Своим телом он прижал меня к искореженному корпусу машины. Я ощутила на себе отвратительное смрадное дыхание. Одна рука крепко сжимала мои волосы, а второй он полез мне под водолазку. Этот парень был так близко, что его рот касался моего уха.

– Знаешь, он хотел, чтобы ты сдохла. Ты и сдохнешь, но теперь это будет очень, очень медленно. А сначала я с тобой немножко позабавлюсь.

Он понюхал мои волосы, а затем провел языком по моей шее. Я с отвращением отвернулась. Он засмеялся.

И вдруг... взорвался светящимся облаком пыли. Когда пыль осела, передо мной стоял Люциан, держа в руке тот самый кинжал, которым угрожал мне утром. Я глубоко вздохнула. Один раз, другой. И в итоге обессиленно сползла на землю. Люциан опустился передо мной на колени.

– Ты в порядке? – спросил он. В его глазах и голосе угадывалось беспокойство, что никак не вязалось с тем Люцианом,

с которым я сегодня познакомилась. Мягким движением он убрал прядь волос с моего лица и потрогал пульс. У него были теплые пальцы. Мне удалось только слабо кивнуть.

– Спасибо, – прошептала я. На большее сил не хватило.

– Мы всех поймали, – сказал кто-то позади меня. Я знала этот голос, слышала его совсем недавно. Рядом с нами присел Тоби.

– С ней все хорошо?

– Хорошо? – Похоже, Лиззи была в истерике и безостановочно бегала вокруг того, что осталось от ее «Мини Купера». – Глаза раскрой, тупица!

Тоби многозначительно посмотрел на Люциана и поднялся на ноги.

– Лучше увести ее отсюда, – посоветовал он.

Сильные руки подхватили меня под спину и под колени. Люциан поднял меня легко, как игрушку. Нос уловил запах прохладного морского бриза и теплого летнего дождя. Моя голова лежала у него на груди. Краем уха я слышала пререкания о том, кто в какой машине поедет и кто поведет, но не придавала им значения. Уже в третий раз за день я потеряла сознание.

Глава 4. Судьба, предрешенная печатью

Коридор был целиком отделан пластинами из нержавеющей стали. На потолке тускло светились квадраты матового стекла. Я босиком бежала по коридору в поисках выхода. Тихий топот моих голых ступней по полу был единственным звуком, пока у меня не вырвался мучительный крик. Внезапно я оказалась на каталке в какой-то комнате. Как и проход, она вся стальная. Спиной ко мне стоял мужчина. Судя по халату, он врач.

– Как сегодня твое самочувствие, Ариана? – поинтересовался он и приблизился ко мне со шприцем. Рукав моей голубой пижамы закатан до плеча. Мужчина протер спиртом небольшой участок кожи у меня на руке.

– Что вы делаете? – спросила я – как и всегда, когда оказывалась в этом кошмарном сне. Он улыбнулся мне, но улыбка не достигла глаз. Они оставались холодными.

– Я делаю так, чтобы ты почувствовала себя лучше, Ариана, – ответил он.

Его лицо расплылось. Я моргала, но не могла пересилить это оцепенение. Когда я в пятый раз зажмурилась и вновь открыла глаза... я лежала на лугу. Это что-то новенькое. Стояла поздняя ночь, вдалеке слышались голоса. Они

спорили. Я перевернулась как можно тише, чтобы меня не заметили. В паре метров от меня стояли Люциан и хрупкая женщина. Кофейного цвета волосы завязаны в конский хвост, который подпрыгивал в такт ее яростным движениям.

– Не надо, Люциан. Совет бездействует, но если они испугаются, то их решения очень быстро станут единогласными. И поверь мне, если кто и может внушить им страх, то это ты.

– Плевать я на них хотел. Он был моим наставником и лучшим другом!

– Не делай глупостей, Дариус отправит по твоему следу всех брахионов, которых сможет найти.

– Они не настолько глупы, чтобы слушаться его приказов.

– У них не будет выбора! Люциан, пожалуйста! Я не хочу тебя потерять.

– Я не могу по-другому, Мел.

Вдруг они исчезли, а я начала падать. Чужие руки попытались поймать меня, удержат, но я продолжала свой полет.

А потом я открыла глаза.

И сразу поняла, что что-то не так. Это была не моя комната. Тем не менее полосатые обои и старомодный торшер выглядели знакомыми. Что я делала в кровати Лиззи?

– Не переживай, это был всего лишь кошмар.

Бархатный голос с хриплым оттенком молниеносно вернулся мне все воспоминания. Я выпрямилась. Ну, по крайней мере, сейчас я точно недолго провалялась в обмороке: за окном еще царила темнота.

У окна Люциан развалился в глубоком кресле Лиззи. Одна нога свисала с подлокотника, пока он листал модный журнал, изо рта торчал леденец на палочке. Он даже не повернулся в мою сторону, просто перелистнул следующую страницу.

Как я попала к Лиззи? Где она сама? И главное, как давно здесь сидел Люциан?

Я не отрывала от него взгляда. Тишина в комнате становилась все более ощутимой, пока он наконец не вздохнул:

– Мне уйти? Я не особенно люблю, когда на меня пялятся. Начинаю жутко стесняться и нервничать. – Он соорудил невинную мордашку и перекатил языком леденец во рту.

С тихим стоном я рухнула обратно на подушку. Я даже не знала, что хуже: то, как бесподобно он меня только что поприветствовал, или то, что он сидел рядом, пока я была в отключке.

– Пожалуйста, скажи, что всё это мне просто приснилось, – пробормотала я еле слышно. Но Люциана не смутил риторический характер вопроса.

– Понимаю, что очень трудно не мечтать обо мне во сне, малышка. Но придется тебя расстроить: все было по-настоящему, – по одному его тону я буквально видела, как ехидная

улыбка расцветала у него на лице. Я закатила глаза:

– Можешь сделать мне одолжение и побыть серьезным хоть пару минут?

Какое-то время Люциан удивленно смотрел на меня, а потом опустил глаза и положил журнал.

– Я лучше пойду.

Меня охватила паника. Я одновременно и хотела, и не хотела, чтобы он ушел. Ведь если он уйдет, кто расскажет мне, что на самом деле случилось? Если он уйдет, у меня не останется ни одного доказательства, что произошедшее – не плод моей фантазии.

С другой стороны, он страшно нервировал...

– Ты можешь остаться тут, – ответила я немного поспешно и повыше приподнялась на подушке. Он тихо рассмеялся и сел обратно. Вытащил изо рта красный леденец, тщательно его разглядывая.

– И чем же я заслужил такую честь?

Я пожала плечами, отметив, что они уже не болят. Приятный сюрприз. Видимо, меня не так серьезно ранило, как представлялось по ощущениям в самом начале.

– Уж лучше ты, чем кто-то, кем ты манипулируешь, – это было правдой только наполовину. По какой-то мне самой неведомой причине в его присутствии я чувствовала себя спокойно. А в этом я сейчас нуждалась больше всего на свете.

Люциан посерьезнел. В его глазах что-то сверкнуло. И это

не та искра, о которой говорят в переносном значении, а настоящая – странное серебристое мерцание. Как бы то ни было, мне так показалось, а потом она сразу исчезла. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я его перебила:

– Почему те люди хотели меня убить?

Люциан закрыл рот. Я видела, как он обдумывал мои слова. Вероятно, рассматривал варианты, как бы соврать. Как ни странно, он решил сказать правду.

– Да, малышка, это действительно хороший вопрос. Я не знаю. Но могу предположить, что по тем же соображениям, из-за которых тебя хотел убить я.

Под его внимательным взглядом у меня внутри все сжалось. События этой ночи закружились у меня в голове. Он был охотником и с бездушным автоматизмом убил двух... «И правда, кем они были?» ...двух... явно не человеческих созданий. Меня затрясло, кожа покрылась мурашками. Передо мной сидел настоящий убийца. Не важно, что он был в обличье внешне привлекательного юноши в хорошо сидящих джинсах и простой черной футболке. Даже леденец не мог бы скрыть, кем этот парень являлся на самом деле.

– ...А ты все еще этого хочешь?

С легким вздохом он встал с кресла. Я невольно напряглась, но он отошел к окну. Мышцы спины отчетливо проступали под темной тканью его футболки.

– Нет, – произнес он и повернулся ко мне, скрестив руки на груди и облакачиваясь на подоконник. – Но у меня такое

чувство, что когда-нибудь я об этом пожалею. Этот талант принимать неправильные решения однажды заведет меня в могилу.

Леденец вернулся в рот, а глаза насмешливо заблестели. Все это прозвучало так небрежно, как будто речь шла о рискованной покупке акций, а не о моем зверском убийстве. Он пытался меня отвлечь, но это не сработало. Еще одна вещь вызывала у меня любопытство.

– Значит, ты можешь умереть?

Похоже, Люциана не столько удивил вопрос, сколько сам факт, что я решила его задать. Прошли одна или две бесконечные секунды, прежде чем я узнала, как много значил его ответ.

– Конечно, – наконец сказал он и воткнул палочку от леденца в один из цветочных горшков Лиззи. – Все могут умереть.

«А чего ты ожидала, Ари?» – отругала я себя. Само собой, я поняла, что он отличался от остальных. А кто, черт возьми, смог бы управлять действиями других людей или голыми руками сгибать крышу автомобиля, как бумажного журавлика? Но почему-то я удержалась и не заговорила с ним об этом. Может быть, из-за твердой уверенности в том, что он не ответит на подобный вопрос... а может быть, из-за того, что осталась еще одна, более важная для меня, тема.

– А почему ты хотел меня убить?

Зеленые глаза встретились с моими. В его голосе вдруг

проявился угрожающий холод.

– Потому что я поклялся уничтожить Уилсона Харриса, а твоя смерть для него много бы значила.

Несмотря на опасность, которая исходила от Люциана, у меня вырвался сухой смешок:

– С трудом в это верю. – Мой отец вообще вряд ли заметил бы, если бы я пропала. Ну, или примчался бы, чтобы пожать Люциану руку за освобождение от вечно обременяющего груза под названием «дочь».

– Ты его ненавидишь? – спросил Люциан.

– Всей душой. – Не будь мой папа тем, кто он есть, меня бы шокировал собственный ответ. Но тут уж ничего не поделаешь. Наверно, лучшим, что он сделал для нас с мамой, стала его подпись на бумагах о разводе.

Тихонько охнув, я откинула пятнистое зеленое одеяло Лиззи и встала. Всё вокруг закружилось. Лёжа, я определенно чувствовала себя лучше. Несколько глубоких вздохов, и я отважилась сделать три шага до платяного шкафа подруги. В мятой пижаме с разноцветными бабочками, которая сто процентов была взята из этого шкафа, я никак не могла вести серьезный разговор. Кроме того, мне был необходим горячий душ.

Пока я рылась в шкафу Лиззи в поисках подходящей одежды, меня не покидало ощущение, что Люциан меня рассматривал. «Все могут умереть», – его слова эхом отражались в моих мыслях. И вдруг я сообразила, что с ними не

так. То, что все могут умереть, не означает, что все должны умереть.

Я оглянулась через плечо. Люциан все еще наблюдал за мной, прислонившись к окну. Мы оба ловко избегали темы, которая, без сомнений, положила бы конец нашему разговору. Я и сама не понимала, почему была так в этом убеждена. Я просто это знала.

– Те люди, которых ты... эм... превратил в кучку пепла, они вернутся? – Ну, я хотя бы попыталась задать этот вопрос так ненавязчиво, как только можно. Но Люциан раздавил всю мою осторожность лишь одной плохо скрываемой ухмылкой.

– Ты хочешь узнать, умерли ли эти или придут ли вслед за ними другие?

– И то и другое.

Воздух завибрировал от его тихого смеха.

– Вот тебе маленькая лекция о моей скромной персоне, – объявил он и обвел себя замысловатым жестом, которому позавидовал бы любой артист. – Я всё доведу до конца!

Ничего себе, какое это.

– Ну, меня ты не убил, как планировал, – ляпнула я, не подумав, как это было глупо. Люциан махнул рукой, отгоняя мой аргумент, как назойливую муху.

– Я передумал, а я очень редко так поступаю. Поэтому я все еще здесь. Потому что да, другие придут, и тогда я их остановлю.

Чтобы скрыть тревогу, я наобум выудила несколько вещей из шкафа Лиззи.

– Зачем?

– Потому что я всё довожу до конца! – повторился он. – Тем более я не для того спасал тебе жизнь, чтобы ты ее лишилась из-за чьей-нибудь некомпетентности.

Его беспощадный взгляд подтверждал, что он говорил всерьез. Я неожиданно почувствовала себя потерянной. Как будто комната Лиззи стала лабиринтом, а единственный, кто мог помочь мне выбраться, измучил меня тайнами. У меня больше не было настроения играть в дипломатию, как того требовало внутреннее чутье.

– О'кей, а теперь поговорим откровенно. Что здесь творится? С чего вдруг объявляется столько людей, которые хотят убить меня из-за моего отца? Людей, которые, собственно говоря, и не люди вовсе. И, кстати, что ты сам такое?

С долей удовлетворения я следила, как сказанное мной стирало с него все эмоции. Но это удовлетворение совсем скоро сменилось неуверенностью. Я не могла прочесть выражение его лица. Люциан весь подобрался, широкие плечи напряглись. Это угроза промелькнула в зеленых глазах? Или чувство вины? Я не знала, но стало ясно, что я зашла слишком далеко. Ну почему я никогда не прислушиваюсь к своей интуиции? Я хотела его разговорить, а добилась только того, что между нами чуть ли не воздух потрескивал. Когда это стало невыносимым, а я взвешивала идею стратегического

отступления, он отвел взгляд.

– Этого я тебе рассказать не могу.

– Люциан, пожалуйста. Я...

– Я не могу, – прервал он мои отчаянные возражения, – потому что дал слово не рассказывать тебе об этом.

При виде моего удивления он тяжело выдохнул и запустил руку в волосы:

– Я и так радовался, что, очнувшись, ты не забила в истерике и с криками «Кто ты? Что ты, черт побери, такое?» не дала мне по мозгам лампой, чтобы сбежать, – на его лице появилась кривая улыбка. – Почти все так реагируют.

Я не могла не улыбнуться в ответ:

– Очевидно, ты производишь неизгладимое впечатление на девушек, которые просыпаются рядом с тобой.

Он засмеялся уже в голос:

– Да, если я этого не захочу, ты меня так быстро не забудешь, – озорные зеленые глаза смотрели на меня. И я сразу ему поверила. Внезапно он оттолкнулся от подоконника и приблизился ко мне. У меня зашло сердце.

– Но то, что я не могу тебе этого рассказать, еще не значит, что ты не можешь выяснить это самостоятельно.

Я сглотнула:

– Что-то мне подсказывает, что за этим последует предложение, от которого мне лучше было бы бежать со всех ног и не оглядываясь.

– Наверно, у тебя хорошие инстинкты? – предположил он.

– Не думаю. Иначе у тебя был бы огромный синяк на голове, а Лиззи понадобилась бы новая настольная лампа.

Он снова рассмеялся, а в его руке возникло что-то золотистое, напоминающее очень большую монету. Мне потребовалось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд от этой переливающейся штучки. Когда наконец мне удалось это сделать, Люциан стоял прямо передо мной.

– Что это?

– Подарок для тебя. – Монетка сверкнула, когда он pokrутил ее между пальцев.

– И чем же я его заслужила? – поинтересовалась я. Он положил монету на гору одежды, в которую я вцепилась и стояла так уже некоторое время.

– Считай это счастливым совпадением, что помощь тебе так удачно расстраивает планы определенных людей, которые думают, что могут меня контролировать.

«Это полный бред», – проскочила у меня единственная мысль. Я очень надеялась, что он не заметил мой скептический взгляд, когда с негромким «Ну, хорошо, тогда спасибо» я скрылась в ванной комнате. Там я сложила все вещи, включая монетку, на стул рядом с раковиной и заперла за собой дверь. Впервые за все время, в которое так много всего случилось, я была одна.

После продолжительного душа, борьбы с постоянно прилипающей занавеской Лиззи и признания в любви к ее огромным пушистым полотенцам я посмотрелась в зеркало. С такими кругами под глазами я бы истратила тонну косметики в попытке хотя бы издалека сойти за нормального человека. Так как фен я не нашла, пришлось заплести волосы в простую косу, после чего я помародерствовала в косметичке Лиззи. И только когда я хотела одеться, на глаза снова попалась монета. Она так и лежала на красной толстовке Лиззи, что еще больше оттеняло ее золотой блеск. Я аккуратно подняла монету и поднесла к свету. Казалось, знаки, выгравированные на идеально гладко отполированной поверхности монетки, повторялись между собой, но я не распознавала какой-то определенной системы. Узор, похожий на надпись на неизвестном языке, выделялся на золоте. Он был черным. Нет, даже не черным. Красно-коричневым. Как если бы на ней засохла кровь. Какой необычный подарок! При всем желании я никак не могла представить, как эта маленькая блестящая вещица должна расстроить чьи-то планы. Ну, она, бесспорно, ценная, судя по тому, что при своей величине была довольно тяжелой. Я положила ее на ладонь, чтобы прикинуть вес, как вдруг монета начала светиться. Сначала она слабо мерцала, но этот свет становился все ярче и ярче. Как уголек. Только свечение было не теплым и золотистым, а белоснежным и ледяным.

Я рефлекторно перевернула руку. Монетка не упала. Она

просто держалась на моей ладони, не важно, как сильно я трясла рукой, тянула или отковыривала эту штуку. А потом мою кожу обожгло холодом. Я стиснула зубы, чтобы не закричать. По щекам потекли слезы. Монета еще раз пронзительно вспыхнула и исчезла. Боль схлынула вместе с ней так же неожиданно, как и появилась.

Тяжело дыша, я сползла по стене ванной на кафельный пол и тупо уставилась на раскрытую ладонь. Монета абсолютно точно растворилась в воздухе, но сперва прожгла отпечаток на моей коже. Я осторожно прикоснулась к шрамам: прохладные и ровные. От касания не возникло абсолютно никакой боли. Я провела пальцем по рисунку. На моей руке красовался точный отпечаток монеты. «Что за чертовщина?»

Громкий стук ворвался в мое сознание. Ритмичное бие-ние, как у сердца... «Моего сердца!» Это сопровождалось другим, более размеренным звуком. Мой взгляд устремился к раковине, куда как раз упала еще одна капелька воды из крана. Кап.

В голове грянули голоса. Я не могла разобрать, что они говорили, потому что что-то шумело невероятно громко. Нет, этот шум исходил не от одной вещи, а от нескольких. Я будто слышала гигантский холодильник в аккомпанементе радиоволн, генератора, плеска воды, шелеста листьев на ветру и рокота мотора. Микроволновка запищала так громко, что меня чуть не хватил удар, а старомодный будильник на

прикроватной тумбочке Лиззи настойчиво тикал. На улице стрекотали сверчки, но они с таким же успехом могли находиться прямо в моей голове.

В панике я сдавила пальцами виски и попыталась медленно сосчитать до десяти, как советовал маме врач, когда она страдала от панических атак. Я досчитала до десяти, и, вопреки всем ожиданиям, вокруг действительно воцарилась тишина. Нет, не полная тишина. Я слышала редкое шуршание – шелест страниц, уверенное сердцебиение – точно не мое – и ровное дыхание. Все эти звуки раздавались из-за двери. Люциан.

– Что ты со мной сделал? – прошептала я. Звук громче я бы сейчас просто не выдержала. Ответ пришел интересным образом. Он говорил очень тихо. Голос Люциана был приглушенным, но я слышала его так четко, как если бы он стоял рядом со мной.

– Только спокойствие, малышка. Это не прекратится.

Но как раз отсутствие этого спокойствия мешало мне понять смысл его слов.

– Что ты со мной сделал? – в этот раз мой голос прозвучал скорее как шипение.

Вздых – и еще одна перевернутая страница.

– Я подарил тебе печать, а с ней малую часть моих сил. – Даже через всю комнату Лиззи и плотно закрытую дверь ванной я почувствовала гордость и удовлетворение в голосе Люциана. Этого мои нервы просто не выдержали.

– Хватит говорить загадками! – шикнула я. Снова шелест и какой-то глухой звук. По всей видимости, он дочитал журнал.

– Откуда столько злости? Другие были бы счастливы слышать чуточку получше.

– Ты что, подарил мне суперслух? – заорала я испуганно. Собственный голос вонзился мне в уши.

– Временно.

Я едва могла дышать и была близка к тому, чтобы что-нибудь разбить, если было бы возможно сделать это бесшумно. Намного тише я обратилась к нему:

– А тебе не пришло в голову сначала меня ПРЕДУПРЕДИТЬ?

Звук джинсовой ткани, трущейся о более мягкий материал.

– Вот ты неблагодарная.

Опять звук трения и удовлетворенное сопение. Да этот козел устраивался поудобнее!

– Я дал слово ничего тебе не рассказывать. Глупость, знаю, но слово есть слово.

– Возьми его обратно!

– Так не пойдет, извини!

Пульс стремился разорвать мою голову на части. Я снова сдавила виски и глубоко вздохнула. Нужно привести мысли в порядок. Это состояние – временное. И либо я продолжу истерить и не получу от этого ровным счетом ничего, потому

как парень за стеной был упрямее стада ослов, либо я выясню, что он задумал.

– Кому ты дал слово? – спросила я.

– Вот мы и переходим к делу! – Мне было слышно, как он улыбнулся. – Я очень не люблю, когда мне диктуют, что делать, а что не делать. Полагаю, в этом мы с тобой сходимся во мнениях, – продолжил он. В яблочко. – Я хотел дать тебе возможность самой составить представление о правде, прежде чем тебе ее преподнесут аккуратно подчищенной.

– Кто преподнесет?

– Я позволил себе немножко приглушить твой новый слух, так как ты еще не привыкла к посторонним шумам. И потому что не хотел, чтобы у нас появились нежелательные слушатели. Но если тебе любопытно, на твоём месте я бы прислушался к кухне.

О да, он прав. Я терпеть не могла, когда мне приказывают. Даже он. Но в конечном итоге любопытство пересилило. Я покопалась в своей памяти, вспоминая расположение комнат в доме Лиззи: по коридору направо, по лестнице вниз, первая дверь справа. Дверь закрыта. Откуда я это знаю? Без понятия. Но затем я услышала знакомый голос: папа Лиззи.

– Нет, Гидеон. Я правда очень рад, что ты так быстро пришел, но ты не будешь вмешиваться, пока в этом нет необходимости.

«Гидеон здесь? Я думала, он уехал учиться во Францию».

– Я не понимаю, как вы могли это сделать! – ответил стар-

ший брат Лиззи. Сказать, что он был вне себя, – значит ничего не сказать. Стук тяжелых ботинок по кухонному полу не прекращался ни на минуту.

– Как мы могли сделать что?! Поверить человеку, который спас твою сестру? – осведомился его отец.

– А если в этом и состоит его план? – огрызнулся Гидеон.

– Ты же в курсе, что он тебя слышит? – вклинилась в разговор Лиззи. Ее голос звучал поразительно уравновешенно.

– Да мне без разницы! – рявкнул ее брат.

– Гидеон! – за замечанием отца последовало сдержанное рычание и наступила тишина. Шаги. Отодвинулся стул. Какой-то приглушенный звук. Брат Лиззи сел.

– Он – праймус старой школы! – добавил тихий женский голос, которого я раньше не слышала. «Праймус?» Я сделала мысленную пометку в списке вопросов к Лиззи.

Гидеон тихо фыркнул.

– Он – мятежник! Я знаю Хроники! – возразил он ей, но уже с долей уважения, которым не удостоил своего отца. Даже не уважения. Благоговения.

– Он не мятежник... Он просто... – таинственная женщина подыскивала подходящее определение, – временно снял с себя обязанности.

Что-то зашевелилось в моих воспоминаниях. Откуда я знала этот голос?

– Да он же убийца! Вы привели в наш дом проклятого безумного монстра!

«Опа!» Возможно, я поспешила довериться Люциану. «Пункт № 2: Спросить Лиззи, стоит ли мне как можно скорее дать дёру».

– Гидеон, хватит! Он пообещал мне. Он и Мелисанда. Мне этого вполне достаточно! – не вытерпел отец Лиззи.

«Отлично, пункт № 2 вычеркиваем». Я доверяла мистеру Росси.

Все снова замолчали. Негромкий звон фарфора на деревянной поверхности. Кто-то сделал глоток. Наконец Гидеон продолжил разговор. Теперь в его тоне сквозила только усталость:

– Когда мы сможем расспросить Ариану?

– Ей нужно еще отдохнуть. Тебе и самому известно, как тяжело исцеляются травмы головы! – объявила женщина. Еще один глоток.

Гидеон не позволил сбить себя с толку:

– Плеяда знает о том, что вы вверили жизнь Ари разыскиваемому демону?

«Что, простите?! Демон? Новый пункт № 2! Определенно **НОВЫЙ ПУНКТ № 2!!!**»

Никто не спешил с ответом.

– Значит, нет.

– Это решение все еще остается за мной, – выговорил сыну мистер Росси. – Тебе удалось что-нибудь разузнать насчет катю?

Гидеон пробурчал что-то невнятное, прежде чем при-

зняться:

– Нет. Еще парочка подобных кровожадных идиотов objavилась в городе. Но ничего такого, чего мы не могли бы контролировать. Ни один из них не раскололся.

– Люциан считает, их нанял Джирон, – комментарий незнакомки вызвал у брата Лиззи очередной приступ бешенства.

– Джирон?! Если к случившемуся приложил свою демоническую лапу этот сбрендивший урод, то все только начинается! Я оставлю больше охотников для вашей защиты!

– Не думаю, что это обязательно...

– О, да что ты говоришь! Это обязательно. И даже не думай спорить со мной, пап!

«Пункт № 3: Пометка для себя – рвать когти, если столкнусь с этим Джироном. И пункт № 4: Охотники?! Реально? Брат Лиззи, мечтатель-Гидди... охотник на демонов?!»

Мистер Росси вздохнул и поскреб пальцами бороду:

– Ладно. Но они должны действовать под прикрытием. И расскажи своему подразделению про Люциана. Чтобы они случайно не... повздорили.

– Ты собрался защищать этого мальчишку?! – негодование Гидеона повисло в воздухе. – При всем уважении, еще никогда прежде ни один страж не был исключен из Лиги. На это должны быть причины. Люциан непредсказуем.

– И тем не менее все еще жив, – процедила женщина. – Если бы Совет ему не доверял, такого бы не допустили.

«Пункты № 5–7: Стражи? Лига? Совет?»

– С каких пор нас волнует, кому верит Совет? – выкрикнул брат Лиззи. Его грубые слова сработали на остальных, как намордники. – Мы все тут знаем, почему Люциан здесь. Его не отпускает бредовая идея найти Танатоса.

Низкое рычание за дверью ванной выдало, что Люциан думает о Гидеоне.

– Я ему доверяю, – тихо проговорила неизвестная. – Этого тебе должно быть достаточно. – Вот теперь я вспомнила, откуда знала этот голос. Это девушка из моего сна! Как там Люциан ее назвал? Мел?

Скрип ножек стула по каменному полу, потом ткань соприкоснулась с древесиной, как будто кто-то подался вперед и наклонился над столом.

– А чем он питается? – подозрительно тихий вопрос Гидеона.

– Он никого не поработщает, если ты об этом, – прохладно ответила Мел.

«Пункт № 8: Поинтересоваться, чем Люциан... кхм... питается».

– И откуда вы это знаете?

– Гидеон, нам надо решить более важные проблемы, – попытался урезонить сына мистер Росси.

– Ах, вот как. И какие же? Охотиться на Харриса? Вывести из игры Джирона? А то за последние годы мы недостаточно часто старались...

Огромная гора с мигающими вопросительными знаками в моей голове моментально сравнялась по размерам с Эверестом. «Гидеон несколько лет охотится на моего отца? Пункт № 9!»

– Мы должны узнать, зачем Джирон хочет убить Ариану, – напомнил мистер Росси.

«Да, пожалуйста! Срочно!»

– Точно! – издевался Гидеон. – Как будто не у каждого праймуса есть тысяча причин убить дочь УИЛСОНА ХАРРИСА!

– Но почему сейчас? – спросила Лиззи. – Мы скрывали ее местонахождение годами.

– Довольно! – заключил мистер Росси. – Фелицитас, проверь Ариану. Если она очнулась, расскажи ей о праймусах и Плеяде, но пока не упоминай ее отца. Ей и без того будет слишком тяжело. Плюс нам еще нужно дождаться результатов анализов.

– А что с Люцианом? – осведомилась моя подруга.

– Он поклялся не причинять вреда никому из нас и хочет защитить Ариану от Джирона, – ответил ее папа. А брат снова засмеялся.

– Он хочет использовать ее против Харриса!

– Пока он ее защищает, нам придется пойти на этот риск.

Вдруг голоса стали размытыми. До меня донеслось еще лишь несколько обрывочных фраз:

– ...против Джирона... – все стало приглушенным.

– ...также охраняй... – как через преграду.

– ...он нам не нужен... – или через стену.

– ...понадобится любая помощь... – или через целый

этаж.

У подарка Люциана истек срок годности.

Глава 5. Человек предполагает...

Я быстро оделась. Знаки на моей ладони все еще поблескивали, но уже не так сильно, как вначале. Когда я распахнула дверь ванной, Люциан сидел на кресле в той же позе. И между делом изучал один из фотоальбомов моей подруги. Я недоверчиво уставилась на него. Он выглядел так по-человечески, но...

– Ты демон?!

– Это только одно из многих моих названий, – не поднимая взгляда, он помахал рукой в воздухе. – Люди бывают невероятно изобретательны, когда дело доходит до выдумывания имен сверхъестественным существам. И я тоже принадлежу к этим «сверхъестественным».

Я разозлилась. Всегда терпеть не могла, когда со мной играли или использовали в своих интересах. А Люциан делал и то, и другое.

– А как вы сами себя называете?

– Я не нарушу свое обещание, малышка.

В тот момент, когда я приготовила колкий совет, куда он мог себе засунуть свое обещание, открылась дверь в комнату.

– Ари, ты проснулась? – Лиззи держала в руках поднос бирюзового цвета. – Я услышала звук и... – от нее не укрылась напряженная атмосфера в комнате. Прежде чем она успела

произнести хоть слово, я выпалила:

– Демоны?! Лиззи, серьезно?

Она переводила взгляд с меня на Люциана и обратно, пока выражение ее лица менялось с удивленного на потрясенное. Наконец ее щеки приобрели насыщенно-красный оттенок. Она с грохотом поставила поднос со всем его содержимым на комод и пошла на Люциана, вытянув в его сторону указательный палец.

– Ты чего ей наговорил, лживый ублюдок? Жалкий лицемер! Чего стоит твое СЛОВО, ты...

Люциан даже не потрудился встать.

– Следи за языком, когда обвиняешь кого-то во лжи, адепт. Я держу свое слово. Всегда.

На крик Лиззи, как по тревоге, примчался Гидеон. Витавший в облаках, играющий на виолончели долговязый брат Лиззи. Я бы вряд ли его узнала. Он учился в выпускном классе, когда я поступила в лицей. Уже тогда он был ростом со своего отца, но с тех пор еще прибавил в плечах. Даже его голубой шерстяной свитер не мог скрыть, что светловолосый брат Лиззи превратился в Геркулеса.

– Это мне надо следить за языком, демон?! – визжала Лиззи. – Ты находишься в доме Плеяды!

– Что стряслось? – выдавил Гидеон сквозь зубы. Было видно невооруженным взглядом, что он еле сдерживает ненависть по отношению к Люциану. Точно так же появление брата Лиззи заставило Люциана подняться с кресла и

смерить его взглядом.

– Он нарушил обещание! – сердилась Лиззи, а тем временем воздух между двумя парнями наэлектризовался до предела.

– Да нет же! – я попыталась предотвратить надвигающуюся катастрофу. Лиззи повернулась в мою сторону. Растерянность в ее глазах смешивалась с укором и непониманием. Если бы я так не нервничала, захохотала бы. Я протянула им руку ладонью вверх, где брат с сестрой смогли узнать светящийся след дара Люциана. Дальнейшие события развивались с невероятной скоростью.

С отчаянным воплем Лиззи с голыми руками кинулась на Люциана. Гидеон лишь в последний момент поймал сестру и оттащил подальше от него. А потом так неожиданно ее отпустил, что она врезалась в меня. В то же время сам Гидеон стремительно повернулся к Люциану. Когда я вернула Лиззи в вертикальное положение, слуха коснулось слабое жужжание. Гидеон вытащил что-то, по форме напоминающее удлиненный кинжал, и направил его серебряное острие на горло демона. Он был точь-в-точь как нож Люциана, разве что этот не сиял изнутри.

– Ты поклялся не причинять вреда ни Ари, ни моей семье, – рявкнул брат Лиззи, – и все-таки дал Ари печать! Тебе повезло, что эффект был временным, иначе я бы заставил тебя поплатиться за это!

– Удача здесь ни при чем, – ответил Люциан с самодо-

вольной ухмылкой, совершенно не впечатленный лезвием у своей шеи. У Гидеона заходили желваки.

– Чересчур самонадеянно для невменяемого изменника!

Зелень в глазах Люциана медленно уступала место глубокой черноте. Он был безоружен, ниже ростом и меньше в размерах, чем его соперник, но не менее опасен. Как раз наоборот.

– Ты не имеешь права носить этот клинок, охотник! – тихо предостерег он.

– О, у меня есть все права мира, демон! Это не я продал ваши секреты!

Низкий звук вырвался из горла Люциана. Комната Лиззи в этот миг показалась просто крошечной. Напряжение между двумя парнями стало настолько ощутимым, что его можно было разрезать ножом. Когда Люциан неуловимо подобрался, как перед броском, я встала между ними и отвела руку Гидеона, сжимающую кинжал, в сторону от Люциана.

– Не могли бы вы чуть-чуть снизить уровень тестостерона и, блин, объяснить мне, что вообще происходит?!

Ни одна из сторон не пошевелилась, они не отрывали взглядов друг от друга. Поэтому я настойчиво добавила: «Пожалуйста!»

Наконец Гидеон опустил клинок. Еще секунда, и милая девчачья спальня Лиззи превратилась бы в кровавое поле битвы. Моя подруга между тем восстановила самообладание. Несколько успокаивающих слов помогли ей вывести

брата из комнаты. Она закрыла дверь и придвинула к ней украшенный стразами стеллаж. Потом кинула на Люциана злобный взгляд и, на всякий случай, разбаррикадировала выход обратно.

После крепких объятий и тщательного осмотра Лиззи восторженно захлопала в ладоши при виде моего выбора одежды.

– Тебе идет! – выдала она, хотя ее никто и не спрашивал.

Плохая из нее актриса, но я оценила попытку разрядить обстановку.

Поднос со свежееиспеченным печеньем и тремя огромными, дымящимися кофейными чашками перекочевал на кровать. Меня она усадила в изголовье и притащила еще несколько подушек, чтобы я могла устроиться поудобнее.

– Угощайся. С кофеином и сахаром этот вот уже не кажется настолько невыносимым, – сказала она и кивком головы указала на Люциана. «Этот вот» на тот момент уже снова расположился в кресле Лиззи и насмешливо хмыкнул.

– Тогда я бы принял чего покрепче...

– Закрой пасть, ты, лицемерный преда...

– Сбавь обороты, Росси, – перебил он мою подругу. – Я сдержал слово. Ты потребовала от меня пообещать, что я не расскажу Ариане, кто я или кто вы такие. Помощь ей в самостоятельном «расследовании» никогда не обсуждалась.

Лиззи только открывала и закрывала рот, словно не веря.

– Ты просто переврал слова.

– Я всегда такой, рыжая. В следующий раз четче формулируй условия, когда заключаешь сделку с демоном, – со скучающим видом он стянул книгу со столика рядом с креслом и начал ее пролистывать. Лиззи вскочила.

– Ах ты мерзкая жаба! Папе следовало изгнать тебя сразу у порога нашего дома и отправить твою задницу обратно в черную дыру, из которой ты вылез.

Люциан отвлекся от чтения и смерил Лиззи тяжелым взглядом.

– Вот и славно, что твой отец умнее, чем ты, адепт-недоучка, и побоялся облажаться в этом, – в его голосе прозвучала такая явная издевка и даже угроза, что я поежилась. Лиззи сжала кулаки. Фиолетовые ногти впились в кожу.

– Он бы сумел. Он мастер, – прошипела она. Температура в комнате поднялась на пару градусов.

– И именно поэтому он знает, когда можно связываться с кем-то из нас, а когда лучше не стоит.

Открытое предупреждение. Настолько же очевидное, как ярко мигающий сигнал опасности над черепом со скрещенными костями. К сожалению, яркие вещи Лиззи особенно привлекали. Она была практически готова снова напасть на него, как вдруг случилось такое, что бывало реже рождественских ночей без маминых слез: Лиззи перевела дыхание и отступила.

– Да пошел ты, – неохотно проворчала она и подкатилась ко мне на вращающемся стуле.

Люциан схватился за сердце:

– Ох, Росси, ты ранила меня до глубины души. – Он украл мою реплику.

– Эм, вообще-то, я еще здесь. Будьте так любезны, введите меня в конце концов в курс дела, чтобы я как минимум понимала, за кого заступаться в ваших перебранках.

Лиззи посмотрела на меня так подавленно, что мне захотелось ее пожалеть.

– Извини, этого не должно было произойти.

Без дальнейших пререканий она проглотила свою неприязнь и протянула Люциану чашку кофе и печенье, как белый флаг. А он в качестве исключения поубавил свой сарказм и на удивление покладисто ее поблагодарил. Я бы назвала эту сцену умильной, если бы хоть на мгновение купилась на их представление. Но я готова была поспорить, что перемирие не продержится и двух минут.

– Итак, Ари, с чего начать? – решила Лиззи.

– Давай с убедительной причины того, почему в твоём любимом кресле сидит демон, а ты не задыхаешься в припадке, не вопишь и не зовешь охотников за привидениями.

Нас прервал громкий кашель. Люциан подавился печеньем, которое наверняка сунул в рот, прикрывая приступ смеха. Предательская улыбка быстро спряталась за кружкой с кофе. Он выпил пару глотков и сделал знак рукой, чтобы мы на него не отвлекались.

«Ну, классно, я сегодня просто звезда вечера. Лиззи надо

было принести попкорн».

– Поверь, я бы с превеликим удовольствием отказалась от его компании, ведь он украл мой защитный амулет и управлял моим сознанием. Но папочка убежден, что будет лучше, если он будет рядом с тобой. Хотя, по-моему, наших мер безопасности вполне хватает.

– Оставь свои рассуждения для кого-нибудь твоего уровня интеллекта, – вставил Люциан.

– Кто-то здесь спрашивал твое мнение? – завелась Лиззи.
«Вау, даже меньше двух минут!»

Отвечаю, это не закончилось бы ничем хорошим, если бы я срочно не вмешалась. Я сжала запястье Лиззи и выразительно на нее посмотрела.

– Что он такое? И меня не удовлетворит ответ в стиле «высокомерный идиот» или типа того.

Лиззи вздохнула.

– Хорошо, – из ее взгляда ушло выражение «я-лучше-знаю», и я была этому рада.

Она начала рассказ, который казался подозрительно отрепетированным.

– Создания вроде него известны во всех культурах. У них много имен. Одни называют их просто бессмертными, другие – богами, полубогами, ангелами, демонами, духами, сверхъестественными существами, джиннами, монстрами, дэвами, шедимами, сияющими, нежитью и так далее... Сами они предпочитают название «праймус» – от слова «пер-

вый» на латыни. Или же «демон», – продолжала она, – которое произошло от греческого «daimon», что приблизительно означало «дух» или «вершитель судеб» и, по сути, было равно понятию «божественный».

– Скромнее некуда, – заметила я, критически скосив глаза на Люциана, который как раз доедал последний кусочек печенья. – Хочешь сказать, что у тебя в кресле сидит богоподобный демон и пьет кофе?

– Кхм... да, как-то так.

Я посмотрела на нее, а потом снова на Люциана. А разве я ожидала чего-то, во что было бы легче поверить? С другой стороны, это было вполне правдоподобное объяснение событиям, которые я пережила. Я стояла перед выбором: усомниться в своей вменяемости, а заодно и Лиззи, Гидеона, мистера Росси и Люциана или принять то, что мне только что открыли. И, учитывая свойственную мне прагматичность и отсутствие сил на паническую атаку, это решение пришло довольно быстро.

– О'кей.

У Лиззи округлились глаза. Я только сейчас заметила, что все это время она наблюдала за мной, затаив дыхание.

– О'кей? Ладно... И никаких обмороков, никаких признаков стресса и истерик? Это уже хороший знак. Значит, худшее позади, – пробормотала она себе под нос. Она выглядела одновременно смущенной и расслабившейся.

– Наверно, это просто шок, – пошутила я, но тут же раска-

ялась, поймав обеспокоенный взгляд подружки. Закатила глаза и потребовала: – Дальше.

– Да. А теперь задай самый главный вопрос! – Лиззи скривилась и подалась ко мне, пытаясь выглядеть максимально зловеще. Соответствующим голосом она озвучила его сама: – Что они едят?

Я громко прыснула, потому что не могла не оценить пародию на ее любимую вампирскую сагу «Сумерки». Но тут же поперхнулась. Лиззи захихикала, постучав меня по спине. Когда я снова смогла нормально дышать, у нас обеих по щекам текли слезы. Люциан смотрел на нас, наморщив лоб.

– Ха-ха, – прохрипела я в сторону Лиззи. Она широко улыбнулась.

– Прошу прощения. Но это немаловажно. Собственно говоря, праймусы не испытывают потребности в пище в ее изначальном смысле, но многим из них нравятся еда и питье. – словно в подтверждение Люциан отсалютовал мне чашкой. – Что им на самом деле нужно, это... энергия. Человеческая энергия.

– Они высасывают ее из нас? – мне не верилось. – Как вампиры?

– И да, и нет, – колебалась Лиззи.

– У нас нет ничего общего с вампирами, – с отвращением перебил Люциан. Я выпучила глаза.

– Так вампиры тоже существуют?

Лиззи совсем стушеввалась:

– Ну да. Они что-то вроде неудавшихся гибридов и далеко не такие, какими их сейчас представляют, но это сейчас не важно. Они почти все вымерли. – Она неодобрительно покосилась на Люциана и вернулась к теме: – Праймусы не буквально «высасывают» энергию из человека. По крайней мере не часто. Они ее... собирают. Это кое-что другое. Они... – Лиззи водила руками, подбирая слова, – тянут энергию из наших эмоций и... Ну, да, некоторые забирают слишком много, но на это они способны, только если они... – с нечленораздельным звуком «хрзмпф» она сдалась. Руки упали на колени, Лиззи повернулась к своему креслу: – Люциан?

– Люди необязательно необходимы нам для выживания, – Люциана не пришлось просить дважды. Или характер у него был лучше, чем мы ожидали, или его просто утомили полуправильные комментарии Лиззи. – Но они – уникальные источники энергии. Души позволяют им не только испытывать эмоции и чувства, но и прямо-таки излучать их. Праймус может поглощать их и пополнять собственные резервы. Как аккумулятор, – одним элегантным движением он отставил чашку. – Единственный недостаток в том, что демон должен стать непосредственной причиной эмоций. Когда Фелицитас пугает тебя, я это чувствую, но не могу использовать. Но если я заставляю тебя бояться...

– Ням-ням, вкусняшка, – пошутила Лиззи.

Люциан поднял глаза к потолку.

– Это вопрос вкуса. Мне не особенно нравится страх. Слишком сладко, слишком липко. Как мармеладные мишки. Это для начинающих. Или для катю. Я предпочитаю многогранные деликатесы.

Я растерянно хлопала глазами. Люциан по-настоящему гордился тем, что говорил. Чтобы больше не сталкиваться взглядами с этим... существом, я демонстративно отвернулась к подруге.

– Такое возможно со всеми эмоциями?

– Да, но начиналось все со страха и почитания. Праймусы явились людям в виде богов, им поклонялись.

– И все же это не сравнится с эмоциями, которые люди вызывают друг у друга, – раздалось из сиреневого кресла. Лиззи кивнула:

– Так они приняли человеческое обличье, чтобы получить желаемое. Войны, стихийные бедствия, демонстрации, революции... Можешь не сомневаться, в любом историческом событии, вызывавшем у людей массовый всплеск эмоций, замешан как минимум один праймус.

В это было трудно поверить. Если всё это правда, то мир, который я знала, больше не являлся... миром, который я знала. Миром, который знало человечество!

– Часто праймусы самовыражаются в искусстве и культуре. Всего одна картина, стихотворение, песня, ставшая хитом, или концерт порождают такую бурю эмоций... – щебетала Лиззи, насыпая в свой кофе чуть ли не килограмм са-

хара. – И, честное слово, ты не захочешь узнать, сколько актеров на красных дорожках по всему свету отнюдь не люди! – Ложечка громко брэнчала о края кружки. – Естественно, праймусы никогда не пренебрегали своим первоначальным источником пропитания, ведь и по сей день вера горами движет. Во имя Господа, конечно же.

– Ты же не имеешь в виду, что христианство – это обман? – Я никогда не была особенно верующей, но это часть моей культуры, а культура была своего рода родиной. Если и это всего лишь игры праймусов, не только мне бы пришлось переосмыслить картину мира, но и миллионам людей.

– Не напрямую. Праймусы просто поучаствовали, – пояснил Люциан. – Ангелы, архангелы, христианские демоны, дьявол... Всё это праймусы, которые и сейчас питаются этой идеей, пока остальные довольствуются лишь крохами. Несколько пап были праймусами, часть стала священниками.

– Разумеется, праймусы проникли и в другие религии или придумали их сами, – прибавила Лиззи, а Люциан согласно кивнул:

– Ближе всех к истине еще остаются буддисты. Это их учение об эмоциональном балансе стоит поперек горла некоторым праймусам в Азии.

Лиззи засмеялась, словно вспомнила что-то очень забавное. Ее спокойствие по поводу невероятной лжи таких масштабов вызывало у меня опасения.

– Нужно же рассказать обо всём людям! Нужно их предупредить! – возмутилась я. Праймус, сидящий в соседнем кресле, хмыкнул:

– О чем?! Что божественные создания, которые служат им поддержкой и опорой, таковыми не являются? А, погоди, мы же и есть божественные создания!

– О том, что вы питаетесь нашими эмоциями! – огрызнулась я.

– Человеку это не вредит!

– Война не вредит человеку?!

– Ой, как будто люди не шли на это добровольно!

В этот раз нас разнимала Лиззи:

– Так, пока мы не окунулись в дискуссии о принципах, которые, клянусь, Ари, часто завязываются, но еще ни разу не изменили точки зрения обеих сторон, давайте вернемся к нашей проблеме.

– Думаю, дискуссия о принципах и есть наша проблема, – заспорил Люциан.

Лиззи сделала глубокий вздох, а я в этот момент осознала, что демон-праймус был прав. Этот бой еще не окончен. Я находилась прямо в его эпицентре.

– Праймусы не едины во мнении, считать ли людей исключительно едой или у них есть собственные права, – растолковывала мне подруга. – В Лиге есть фракция, члены которой кормятся только от людей, которые в курсе всего и дают свое разрешение.

– Что-то наподобие общества защиты животных, только для людей, – сострил Люциан.

«Абсурд, – первое, что пришло мне в голову. – Абсурд, но в этом есть какой-то смысл».

– Но большинству праймусов на это наплевать. Они берут всё, что могут взять, – говорила Лиззи. – Их законы далеко не всегда совпадают с нашими моральными нормами. Как раз это-то всё и усложняет. Бывают «хорошие» праймусы, – она изобразила пальцами кавычки, – которые используют в пищу только надежду, сострадание, любовь и прочее, а потому заботятся о счастье людей. Не важно, называют ли их тогда богами, ангелами или духами-хранителями. Потом идет большая промежуточная область, которая заканчивается ровно на тех, кого мы без сомнений обозначим как злых. Они провоцируют страх, ненависть, зависть, жажду мести и наслаждаются ими. С точки зрения праймусов, ничто из этого нельзя считать преступлением. Все эмоции рассматриваются как равноценные и взаимозаменяемые. Относительно человека у них работают всего три правила: 1 – Существование праймусов надо любой ценой сохранить в тайне. 2 – Люди могут быть отмечены только по доброй воле – это я тебе позже объясню. 3 – Людей нельзя убивать.

– У меня потихоньку начинает гудеть голова, – я потеряла лицо. Лиззи испуганно пискнула:

– Но мы еще даже не начали!

– Умоляю! – измученно простонала я. По-моему, с ме-

ня хватило бы и того, что... «Чертовы демоны среди нас!!!» А человечество тем временем озабочено доказательствами путешествия на Луну.

– Тогда я быстренько. И, пожалуй, я покажу пару наглядных материалов, чтобы ты лучше вникла в мои объяснения.

Прежде чем я успела возразить, на ее коленях уже лежал ежедневник с цветочным рисунком. На нем красивыми буквами было напечатано «ПЛЕЯДА». Свободное место между буквами было разрисовано разноцветными завитушками и блестками. «Типичная Лиззи», – подумала я. Ее комната выглядела так, словно в ней жили сказочная фея и Леди Гага. Из-под кровати она выудила большую магнитную доску, украшенную морскими коньками, и пристроила ее у изножья кровати, чтобы мне было удобно смотреть.

– У праймусов такой же социальный строй, как и у нас. Большинство из них объединились в организацию под названием Лига. Их главный свод законов называется Канон, это тоже по-древнегречески – они там как-то записаны – и означает просто «книга», – она прилепила сверху на доску картинку старинного фолианта, которую явно скачала из Интернета. – Соблюдение правил Канона контролирует Верховный Совет Лиги, – свое место на доске занимает картинка Совета джедаев из «Звездных войн». – Если кто-то нарушает закон, в игру вступают стражи. Мы их так называем. У демонов есть для этого слово «брахион», это в переводе – «рука». Так сказать, «рука закона», – фото Робокота прикрепилось сле-

ва от джедаев. – Они единственные имеют право убить другого праймуса и, если быть предельно откровенными, единственные, у кого хватит на это сил. Какой-то чудной ритуал наделяет их сверхспособностями. По-другому праймуса не убить. Они как сорняки. У них можно отнять силу, можно лишить физического тела, но они возрождаются снова и снова.

– Пока все понятно, – ответила я на вопросительный взгляд Лиззи.

– Здорово. Канон неоспорим, но есть пара мест, в толковании которых они никак не придут к согласию.

– Их можно по-разному интерпретировать, – прокомментировал Люциан со своего плюшевого кресла и удостоился грубого жеста от Лиззи. Не глядя на него, она продолжила:

– Например, просто взять и убить человека нельзя, а вот подвести его к смерти... ну, да, – она пожала плечами и приняла несчастный вид. – Если злые, – вырезка из комикса с Сатаной пристроилась под джедаями, – не соблюдают правила Канона, это только тогда будет иметь последствия, если об этом доложат Верховному Совету. Этим обычно занимаются здесь, в «обществе защиты животных», как нас любезно окрестил наш милый друг, – образ рождественского ангела появился напротив Сатаны. – Однако еще нужно собрать доказательства и набрать большинство голосов.

– Не очень эффективно? – догадалась я.

– И не говори! – Лиззи откусила от своего печенья и за-

говорила с набитым ртом: – Поэтому однажды люди взяли дело в свои руки и основали братство, призванное защищать людей. Мы называем себя Плеяда.

– Ты тоже к нему принадлежишь? – вот это сюрприз. Лиззи кивнула и гордо повесила на доску изображение Ордена тамплиеров справа от ангела.

– Как и вся моя семья. Мама и папа – ученые в братстве. Гидди сражается в армии Плеяды, он охотник. Мы не можем полностью убивать праймусов, но можем за ними наблюдать, изгонять, призывать, ранить. И можем наказывать людей, которые им помогают, а таких, увы, немало.

Рисунок зомби магнитиком крепится к Сатане.

– Они на самом деле не зомби. Выглядят абсолютно нормально, это я просто... для наглядности... типа злобные...

Я заторможенно кивнула, чем поощрила Лиззи к продолжению.

– И, ясное дело, есть парочка враждебно настроенных людей, которые считают врагами всех праймусов и хотят их истребить.

– А они себя как называют? – спросила я для полного понимания. В моей голове понемногу начинали складываться кусочки мозаики.

Лиззи прикусила нижнюю губу, ее лицо приняло виноватое выражение. Я заподозрила неладное.

– В чем дело?

– Ну... Они создали фиктивную фирму и работают через

нее.

– И что дальше?

Почему-то мой взгляд переместился на Люциана, который безучастно уставился на заднюю часть доски.

– Лиззи!

Подруга вдруг очень побледнела. Ее рот приоткрылся, но тут же снова закрылся. Трясущимися пальцами она потянулась к ежедневнику, достала оттуда последнюю бумажку и разместила ее ниже всех. Это оказался логотип корпорации «Омега» – фармацевтической компании моего отца. На переднем плане фотографии был запечатлен человек, которого я терпеть не могла, в окружении членов правления.

– Они – «Омега». Последняя буква греческого алфавита символизирует конец жизни праймусов, – шепотом сказала Лиззи.

– И мой отец...

– ...их лидер, – подтвердил Люциан мои страхи.

После этого воцарилось молчание. Лиззи и Люциан смотрели на меня. Я прекрасно понимала, что они не ожидали от меня каких-либо слов. Это безмолвие значило больше, чем невысказанное: «Нам очень жаль». Но мне было все равно. Я погрузилась в льдисто-голубые глаза, от которых шел мороз по коже, хотя они просто взирали на меня с фото. Папу можно было бы назвать очень красивым мужчиной, если бы не этот холодный взгляд. Кроме цвета волос, мы ничем не были похожи. Его темный блонд тут и там уже разбавляли

седые пряди, как и в аккуратно подстриженной бороде, обрамлявшей губы. Мы не виделись уже шесть лет, но от паники сердце бешено забилося у меня в груди.

– Твой отец ненавидит всех праймусов. Он даже заключил союз с их заклятыми врагами, чтобы...

– Стоп. Что еще за заклятые враги? Дай мне сначала это переварить, – прервала я подругу и спустила ноги с постели. Люциан тоже встал.

– Еще только одна вещь, – мягко произнес он. Я посмотрела на него: бессмертного, праймуса, демона.

– Люциан! – процедила Лиззи. Он сердито оглянулся на нее:

– Но она должна знать!

По взгляду подруги читалось: «Мы не будем обсуждать это сейчас». Она добавила:

– Еще нет стопроцентной уверенности.

– А я говорю, что есть. Этого было бы достаточно даже для Верховного Совета, – возражал Люциан.

– Но не для меня.

– Я бы давно убил Ариану, если бы это было не так!

– О, да! Самые правильные слова, чтобы она перестала бояться. Настоящий герой!

– Что я должна знать? – остановила я их и посмотрела сначала на Лиззи, потом на Люциана.

– Люциан, нет! – предупреждающие ноты в голосе Лиззи не мог не заметить даже он. Зато он мог их проигнорировать.

Люциан повернулся ко мне, и в этот момент для меня существовали только его зеленые глаза.

– Уилсон Харрис тебе не отец.

Глава 6. Полцарства за коня

– ЧТО?

– Ари, это всего лишь подозрение, – тут же засуетилась Лиззи.

– Я знаю, что это так! – настаивал Люциан.

Все чудеса с бессмертными демонами в один миг стали неважными и потеряли всю значимость.

– И кто же тогда мой отец? И почему отец ведет себя так, будто он мой отец, хотя на самом деле им не является? Он об этом знает? – у меня дрожал голос. Лиззи подвинулась ко мне и загородила собой демона.

– Видишь, что ты натворил? Она все так хорошо восприняла, а ты все испортил, – укорила она его.

– Если бы это чудовище притворялось моим отцом, я хотел бы об этом узнать. И не когда-нибудь потом. Она имела на это право, – не менее энергично протестовал он.

Лиззи фыркнула:

– Нужно было хотя бы дождаться результатов анализа крови!

Это заставило меня наострить уши.

– Какого анализа?! Вы ставили на мне опыты, пока я валялась без сознания? – ошарашенно закричала я.

Лиззи обернулась. Вина в ее глазах была мне ответом. Ее ладонь невыносимо успокаивающе легла мне на плечо.

– Нет, Ари, не совсем. Тебя ранили. Мы взяли немного твоей крови. Мама как раз проверяет группу крови.

– Что?! – я скинула ее руку. – И где же тогда мои раны? Он меня вылечил? – мой указательный палец застыл в сантиметре от лица Люциана. Он покачал головой:

– Нет. Когда я пару дней назад пытался тебя вылечить, твоя защита была повреждена. Помнишь? Стекланный шар в аквариуме с акулами?

– Тогда кто меня исцелил? Подожди-ка, «пару дней назад»? Сколько я была в отключке?

Лиззи беспомощно взглянула на меня.

– Ари... – начала она, но я не дала ей закончить предложение:

– Я иду домой. Мама наверняка уже переживает.

Свою обувь я нашла у двери. Мне пришлось держаться за стену, чтобы натянуть ботинок на толстый шерстяной носок Лиззи. В голове все перемешалось, не только мысли. Лиззи пожевала губу:

– Твоя мама думает, что ты на экскурсии перед нашим семинаром по геологии, – призналась она.

С открытым ртом я переводила взгляд с нее на Люциана.

– Ты ковырялся у нее в мозгах?

Бессмертный не двигался. Он стоял со скрещенными руками, прислонившись к дверному косяку.

– А ты вот так запросто ему позволила?! – набросилась я на Лиззи. Вне себя от злости я подхватила второй ботинок и

рванула на себя дверь. – Мне нужно уйти отсюда!

– Ари, тебе нельзя домой, твоя мама думает...

Больше я ничего не услышала. Ее голос затих, когда я побежала вниз по лестнице. Внизу перед выходом я налетела на папу Лиззи, вышедшего из кухни.

– Ари, ты куда? – как всегда, он был абсолютно спокоен и невозмутим. Словно сказочный король, который держит все под контролем и на любую неприятность даст подходящий совет. Несмотря на это, он всегда находил время, чтобы подурачиться с нами. Бесчисленные морщинки от смеха на его лице были тому лучшим доказательством. Он полностью вписывался в образ идеального отца. Отца, о котором можно только мечтать. «Отца, которого у меня никогда не было».

– Ухожу, – буркнула я, сражаясь со вторым ботинком. Позади мистера Росси появилась миниатюрная женщина с коричневым хвостиком.

– Отпустите ее, – Мел не только говорила голосом из моего сна, она и выглядела так же. – Люциан пойдет с ней.

Я опешила. Видимо, список тех, кто наивно заблуждался, что может принимать за меня решения, рос с каждой минутой.

– Она еще здесь! – отрезала я и схватилась за дверную ручку. – И да, она уходит. Одна, между прочим!

С этими словами я хлопнула дверью перед этими двумя.

Мой план побега глупейшим образом развалился прямо там, в саду Росси. У меня не было средства передвижения, и я понятия не имела, куда податься посреди ночи. Точно не домой, потому что мама была уверена, что я на экскурсии. Но мне необходимо было уйти, нужно было переварить всю эту информацию. Я еще могла смириться с тем, что среди нас живут бессмертные. Почему бы им не жить? И что мой папа был дьяволом во плоти – это тоже не новость. Как раз наоборот.

Но вот что он притворялся моим отцом – это уже перебор. У меня промелькнула мысль, что я сбежала не от этого факта, а от ответов, которые последовали бы за неизбежными вопросами. «Как мама могла этого не знать?»

Задумавшись, я смотрела на долину, раскинувшуюся передо мной. Там находился Сент-Питерс, как озеро переливающихся огней. Из-за этого вида я всегда завидовала семье Росси. И их садик с маленькими фонариками и кустами, обрезанными по форме шара, был пределом мечтаний по сравнению с нашим заросшим клочком земли. На мощеной подъездной дорожке я обнаружила «Мустанг» Люциана. Знала бы, как устроить короткое замыкание, обязательно бы это провернула. Все-таки вечные не должны привязываться к такой банальной вещи, как машина. Пока я продумывала осуществление своих криминальных фантазий, спину начало покалывать. Я со вздохом обернулась. У меня появилась

компания.

– Я знаю, что ты здесь, – прошептала я. – Покажись.

Когда я снова глянула на «Мустанг», Люциан облокотился на капот. Он надел черную кожаную куртку и повязал на шею серый шарф. «Демоны вообще болеют?» – пронеслось у меня в голове. И еще очень интересно, как он вышел и прошел мимо меня. Во всяком случае, дверью он не пользовался...

– Ты и правда без труда с этим справляешься, – сказал он. Странно, его присутствие успокаивало. Ничего удивительного, в конце концов, он-то не врал мне годами.

– Намекаешь на мое отстраненное самообладание или истеричное бегство? – осведомилась я.

Он улыбнулся:

– Скорее на ту часть, в которой я – бессмертный демон, крадущий эмоции, хотел тебя убить.

– Ах, это... – протянула я и махнула рукой. – Мы все иногда чуть-чуть ошибаемся. Ты пробовал ходить на групповую терапию?

Бессмертные брови приподнялись. Он тихо рассмеялся, но тень серьезности в глубине его взгляда не рассеялась.

– Я фанат твоего цинизма, Ариана. Но это не вполне нормально.

«Потрясающе, снова советы...» Я вскинула руки вверх и забегала туда-обратно по дорожке.

– Почему все хотят, чтобы я сошла с ума или свалилась в обморок? Боже мой, я управляла машиной своей загипно-

тизированной подружки и одновременно чуть не оторвала голову демону проводом прикуривания. Я выжила в автокатастрофе и получила несколько серьезных травм, а потом меня облапал мерзкий гад, прежде чем ты обратил его в пыль. И только тогда я потеряла сознание. Если я тогда не слетела с катушек, с чего бы мне это делать сейчас, когда мне рассказывают, как вы называетесь?

– Ты неожиданно узнала про отца, – осторожно заметил Люциан. Я кивнула. Это, несомненно, выбило меня из колеи. Но больше потому, что это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Ты себе представить не можешь, как часто я желала, чтобы он не был моим отцом, – пробормотала я. Зеленые глаза Люциана заинтересованно разглядывали меня, но он промолчал. Не прозвучало даже предложения вернуться в дом. Он просто стоял и ждал.

– Ты пойдешь за мной, что бы я ни делала, да? – недоверчиво уточнила я.

Его ответ состоял из виноватой улыбки и движения плечом.

– Либо так, либо Лиззи и ее папа заташат тебя внутрь и привяжут к кровати, пока ты снова не придешь в себя.

Я застонала и потеряла виски.

– Хорошо, если ты у меня на хвосте, то ты же меня и подвезешь.

Он расплылся в улыбке и открыл передо мной пассажир-

скую дверь:

– Всегда к вашим услугам, мисс Дэйзи⁵.

Как только я уселась, Люциан элегантно скользнул за руль. Он повернул ключ зажигания и вопросительно посмотрел на меня:

– Куда едем?

– Без разницы. Куда угодно, где я смогу купить выпивку. Что-нибудь покрепче, – ответила я. Краем глаза я уловила его критический взгляд, перед тем как он, тихо посмеиваясь, поехал вперед.

– Я бы тоже не отказался выпить.

Каждой клеточкой своего тела я чувствовала рев двигателя. Это было более чем необычно. Я не просто сидела в шикарном спорткаре, на который всего несколько дней назад могла только мысленно пускать слюни. Все гораздо хуже: я сидела в нем вместе с демоном. У меня была тысяча вопросов, но я не знала, с какого начать. Как если бы мне дали запутанный клубок ниток, а отыскать конец не получалось.

«Ну что, поболтаем?» Но о чем безобидном можно спросить бессмертного? Я очень сомневалась, что он сочтет захватывающей тему современных погодных условий.

– А где ты уже поучаствовал? В плане... мировой исто-

⁵ Отсылка к фильму «Шофер мисс Дэйзи» (1989).

рии, – спросила я по наитию. – Был Чингисханом? Ганнибалом? Наполеоном?

Люциан скептически покосился на меня, словно точно знал, что я замышляла.

– Я всегда в основном держался в тени. Отец никогда не был сторонником подобного шоу, как он это называл, когда праймус играет важную роль в человеческом мире.

«Его отец?» Ага, значит, у демонов тоже есть родители. А принимая во внимание презрение, с которым Люциан говорил о своем отце, отношения между родителями и детьми у демонов не сильно отличались от наших. Я ухмыльнулась. Это мне знакомо.

– А ты слушался папу?

– Он заседает в Верховном Совете, – выговорил он превеличленно бесстрастно. Но меня не проведешь: на вопрос он не ответил. Я решила испробовать легкую провокацию.

– Вау. Так ты избалованный ребенок, – выдала я негромко.

Люциан засопел. «Прямое попадание».

– Я бы так не сказал, – его челюсть так напряглась, мне даже послышалось, что у него зубы закрипели. Не у одной меня тут сложные отношения с папочкой. «Или *не* папочкой».

Люциан угрюмо уставился на темную дорогу за стеклом. Я немножко подождала, чтобы дать ему возможность выговориться, но он молчал. Тогда я зацепилась за другое сказанное слово.

– Как же такой благородный член Лиги получает эмоции без исторических «шоу»? Работает клоуном на детских утренниках? – даже со своим воображением я не могла представить, чьи настолько высокие запросы не удовлетворял бы сын-Наполеон.

– Самым могущественным из нас больше не приходится что-то делать, чтобы питаться. У нас в распоряжении так много отмеченных людей, что можно насытиться раз десять за день.

«Отмеченные люди?» Я покопалась в памяти. Лиззи что-то такое упоминала.

– Почему тогда всем праймусам не поступать так же? – спросила я.

– Чтобы отметить человека, нужно вступить в определенный возраст и накопить значительную силу. Мало кто из людей принимает на себя такие обязательства, не требуя награды. Праймус передает человеку малую толику своих сил, излишнюю, а взамен получает свободный и эксклюзивный доступ к определенным эмоциям.

– Как мой гиперчувствительный слух. – Теперь мне стало ясно, почему Лиззи и Гидеон так обезумели. Они не знали, что печать Люциана мне ничего не стоила.

– Да, только те печати не теряют своих свойств на протяжении всей человеческой жизни. А отдать часть своих способностей – пускай всего на несколько десятилетий – могут позволить себе только сильнейшие праймусы.

Лиззи была права. Кардинальных отличий между праймусами и людьми не было: узкий круг элиты, которая заставляет остальных трудиться за них, парочка фанатиков, которым поклонялись, несколько чудиков, куча мелких преступников и несколько крупных, плюс пара-тройка идеалистов, стремящихся изменить мир к лучшему. Это было бы смешно, не будь оно реальностью.

– И сколько таких людей держишь ты сам? – казалось, сарказм в моем голосе задел Люциана.

– Ни одного, – сухо ответил он.

Я заулыбалась:

– Ага, бунтовщик.

– Бунтовщик? – его брови вопросительно изогнулись. На какой-то миг я почувствовала себя лучше. Был он могущественным демоном или нет, очевидно, у него тоже имелись вполне себе человеческие проблемы.

– Ну да, у твоего отца была цель: сделать тебя таким же, как он. Ты мог стать таким, но не захотел. Ты ему сопротивляешься. Поэтому ты – бунтовщик, – радостно объяснила я. Люциан отреагировал на мои рассуждения тихим смехом.

– Значит, у нас есть что-то общее, – сказал он и вновь сосредоточился на дороге. Она пошла под гору. Люциан преодолевал серпантин быстро и спокойно, словно всю жизнь только этим и занимался.

– Куда мы направляемся?

– Пусть это будет сюрприз. Главное, тебе подадут лучший

джин-тоник, который ты когда-либо пробовала.

– А тебе это помогает? В плане, ты напиваешься?

– Если достаточно выпить. Мой организм быстрее выводит алкоголь. Следовательно, мне нужно пить намного больше, чтобы подействовало.

Он проехал еще несколько поворотов, и я окончательно заблудилась. Ночные леса, которые мы проезжали, могли находиться где угодно в долине. Только когда мы проскочили указатель с направлением на лицей, я поняла, где мы. В голове тут же родился новый вопрос:

– Какую отговорку вы придумали для дирекции лицея? Вы же не могли внушить всей школе, что целый класс во главе с учителями отправился на геологическую экскурсию.

– Мы и не такое устраивали, – оскалил зубы Люциан. – Но нет. Для всех остальных в эти дни ты очень пунктуально приходила в школу и очень старалась на занятиях. Об этом позаботился Тоби.

– Тоби – праймус?! – у меня округлились глаза. Люциан недовольно вздохнул.

– Для того, кто нуждался в личном пространстве, ты задаешь чертовски много вопросов.

– Извини, – насупилась я, а Люциан снова свернул. Я знала этот путь. Слишком уж часто им пользовалась, потому что вел он ко мне домой.

– Не извиняйся. И нет, Тобиас – не праймус. Он полукровка с очень специфическим даром.

Он, кажется, не обратил внимания на тот факт, что этой фразой породил еще больше вопросов. Я выжидала, пока он объяснит. Когда он этого не сделал, я его подтолкнула:

– Полукровка?! Наполовину праймус, наполовину человек?

– Что-то в этом роде, – уклончиво ответил он и сконцентрировался на управлении машиной. Уверена, он мог бы рулить с закрытыми глазами. Просто ему не хотелось углубляться в эту тему. Чего нельзя было сказать обо мне. Со мной училось не человеческое существо! Знания сегодняшнего вечера открывали новые грани. Скольких из них я уже повстречала? На мою жизнь уже многие повлияли?

– Он из добрых? – снова спросила я. Зеленые глаза Люциана неохотно оторвались от дороги и остановились на мне.

– Послушай, Ариана. За исключением пары случаев невозможно подогнать под одну схему всех праймусов и полукровок. Это как с людьми. И если Тоби у тебя ассоциируется с картинкой ангела из своеобразного вводного курса в демонологию от Лиззи, то вынужден разрушить твои иллюзии. Но если ты хочешь знать, можешь ли доверить ему свою жизнь, тут я сразу и без раздумий скажу – да.

О'кей, пока придется ограничиться этим. Чтобы не развивать дальше проблему полукровок, я сменила тему:

– А к какой категории можно отнести тебя?

Люциан откинул голову на подголовник и выпрямился, неразборчиво говоря что-то вроде: «Это сложно».

– Попробуй, – не отставала я.

– Строго говоря, я – брахион.

У меня челюсть отвисла:

– Робокоп?

Смех.

– Да, но я вроде как уволился.

«...временно снял с себя обязанности», – вспомнились мне слова Мел.

– А так можно было?

– Нет.

– Поэтому за тобой охотится Дариус?

В ту же минуту в мою грудь врезался ремень безопасности. Люциан изо всех сил ударил по тормозам. Ну, может, и не изо всех сил, иначе у него сейчас была бы дыра в лобовом стекле, но, как по мне, эффект был примерно тот же. Я еще сообразить ничего не успела, а его глаза уже металли в меня молнии.

– Что тебе известно о Дариусе?

Я ничего не могла с собой поделать, пробуждалась паника, но ее хотя бы удалось подавить. В конце концов, Люциан сам велел мне не показывать свой страх. Его жесткая улыбка доказала, что в этом я преуспела.

– Н-ничего, – промямлила я. – Мне приснилось, как вы с Мел что-то обсуждаете.

Он не сводил с меня глаз еще пару секунд, а потом ошутимо расслабился и продолжил поездку.

– И что это значит? – мой голос прозвучал куда слабее, чем хотелось.

– Что я был прав, – кратко ответил он и нажал на педаль.

– В чем?

В этот раз он просто не ответил и, судя по упрямому выражению лица, погрузился в свои мысли. Он бы, конечно, предпочел закончить на этом нашу беседу, но я не могла этого допустить.

– Люциан, прошу.

Он делал вид, что не замечал меня. Дорога стала круче, лес – гуще. Этот путь определенно вел к моему дому, и я могла поспорить, что там не было бара, где наливали бы джин-тоник. Там вообще не было баров или каких-нибудь мест, где можно общаться с людьми. Во мне росли сомнения. Я начала просчитывать варианты, как буду выбираться из машины разозлившегося демона, если ситуация выйдет из-под контроля. Именно этот момент Люциан выбрал, чтобы заговорить:

– Я был прав, когда утверждал, что ты, вероятно... не совсем человек.

Это было последней каплей. Я почувствовала, что нахожусь на грани шокового состояния или, наоборот, приступа истерического хохота. Мозг отказывался функционировать. Люциан снова остановился, на этот раз плавно. Краем глаза я заметила, что мы подъехали к Воротам Тимеона.

– Ариана, все создания этого мира можно разделить на

три группы: праймусы, люди и полукровки, – он повернулся ко мне. – Ты помнишь, что несколько дней назад я с тобой здесь сделал?

Я тупо кивнула. Как такое можно забыть?

– Обычного человека это убило бы, а его память передалась бы мне.

У меня вырвалось только сдавленное: «О!» Мне самой показалось это неправильным, потому что, наверно, следует проявлять больше эмоций, когда тебя посвящают в подробности покушения на убийство. Особенно твоего. Особенно если тип, пытавшийся тебя убить, сидит рядом с тобой и рассказывает об этом.

– Количество энергии, которое я вложил в заклинание, уничтожило бы даже низшего полукровку. Но ты жива и сохранила все воспоминания, – растолковывал он. А я за ним не попевала.

– И о чем это говорит?

– Малышка, это говорит о том, что ты совершенно точно не человек.

Без всякого перехода он вышел из автомобиля и открыл мою дверь. Я медленно освободилась от ремня безопасности.

– Значит, не человек, – подытожила я и покинула уютный салон «Мустанга».

– Не человек, – повторил он и запер дверь спорткара. Освещение внутри машины погасло, и мы остались в полной

темноте. В свете луны я видела только очертания лица Люциана. Он взял меня за руку.

– Прикосновение брахиона выявляет все виды демонической энергии, независимо от того, праймусу она принадлежит или полукровке.

Его взгляд опустился на наши переплетенные пальцы. «Вот почему он так вел себя в классе искусств. Он хотел убедиться, что я человек».

– Что ты чувствуешь? – я задавала вопрос, заранее зная ответ.

– Только тебя, – прошептал он.

Глава 7. Павлин в лесу

– Пошли, – позвал Люциан. – Я тебе кое-что покажу.

Он без труда перепрыгнул через ограду. Я полезла за ним, проигнорировав протянутую руку. Я была слишком поглощена своими мыслями. А когда опомнилась, Люциан скрылся в лесу. Я вздохнула.

«Отличный план, Красная Шапочка, – поздравила я себя. – Последовать за злым волком в темный лес!»

А что еще мне оставалось?

– Не мог бы ты... оказать мне честь... и рассказать... что я, блин, такое? – я запыхалась, но скорее от стресса, чем от нагрузки. Лес был таким густым, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Удивительно, что я еще не споткнулась о какой-нибудь корень, холмик или собственные ноги. Фонарик бы сейчас очень пригодился. Или куртка. Было жутко холодно, а свою я забыла у Росси. Ее поиски испортили бы мой эффектный уход. Внезапно впереди стало тихо: Люциан остановился.

– Не имею ни малейшего понятия, – едва слышно произнес он в темноту.

– В каком смысле ты не име...

Мое негодование только начало набирать обороты, как его внезапно оборвала рука, плотно зажавшая мне рот.

– Тссс, – шикнул Люциан мне прямо на ухо. Спинай я

прижималась к его напрягшемуся телу, но до меня никак не доходило, как он так быстро оказался позади меня.

– Там кто-то есть, – сказал он шепотом. – Не шевелись.

Его теплое дыхание на моей шее сменилось прохладным дуновением ветра после его исчезновения. В остальном, чем бы он там ни занимался, он не издавал ни звука.

И вот я стояла одна посреди дремучего леса, лишь смутно представляя, в какой стороне дорога, и не должна была шевелиться. Ситуация была настолько абсурдная, что мне даже в голову не пришло беспокоиться.

Ровно до того момента, как тишину леса пререзал душе-раздирающий крик. Очень драматичный крик, как у краси-виц блондинок в ужастиках. Я огляделась вокруг. Из-за от-даленных кустов просачивался неяркий свет. Блондинка за-вопила во второй раз, и, вопреки доводам рассудка, я при-пустила прямо туда.

– Кто тебя послал? – в мрачном голосе Люциана звенела угроза, эхом отражаясь среди деревьев.

– Нет никаких причин грубить, дорогой мой. Откровенно говоря, я и не собирался прятаться. И, естественно, не рас-считывал, что меня так в высшей степени по-хамски схва-тят, – этот некто уже не звучал как блондинка из фильма ужасов. – Хотя я уже слышал, что твое поведение в луч-шем случае можно назвать грубым и наглым.

Я все быстрее продвигалась вперед, к размытому свету и странному разговору.

– Отвечай на мой вопрос, – требовал Люциан.

– Птенчик, если бы ты так на меня не набросился, я бы уже давно это сделал. Хотя не скажу, что я против, когда такой привлекательный юноша применяет ко мне силу, – жеманничал голос. – Ну, и кто у нас здесь? – добавил незнакомец лет сорока, когда я ступила на небольшую полянку.

Люциан разогнулся одним резким движением:

– Эй, не отвлекаемся! Кто ты такой и кто тебя послал?

Толстячок неловко встал. Он поправил растрепавшуюся прическу и изящно поклонился Люциану.

– Меня зовут Викториус ван Дреттен. Я – отмеченный праймуса Джирона, который отправил меня передать предложение праймусу по имени Люциан.

– Предложение?

– Именно так, дорогуша, – промурлыкал Викториус, пожирая глазами Люциана. – Не сложно догадаться, что ты со своим хорошеньким телом и есть брахион, известный как Люциан.

Я не смогла сдержать усмешку, увидев, как Люциан закатил глаза. Он отодвинул отмеченного в сторону и начал что-то искать на скале, которую я сначала даже не заметила.

– О, нет-нет-нет, сладкий! Ты можешь завязать мне глаза или что-то в этом роде? – голос Викториуса срывался от напускного возмущения.

– Нет, – рявкнул Люциан, не отрываясь от камня.

– Ой, ну хватит. Я не намерен забывать твой пленитель-

ный облик. Не говоря уже о виде сзади.

Люциан проигнорировал все признания своего воздыхателя, видимо, нацеленные на то, чтобы отговорить брахиона стирать ему память.

– Думаю, это не тебе решать, – сказал он и приложил большую ладонь к скале.

– Божечки мои, так упрям и напорист. Настоящий альфа-самец... бесстыдник!.. – тараторил Викториус, ни на секунду не упуская из виду спину бессмертного.

– Тебе никто не говорил, что молчание – золото? – уточнил Люциан.

– Неоднократно, сладенький мой. И каждый раз я отвечаю, что все равно предпочитаю серебро. Золото мне просто не идет. Я выгляжу отвратительно бледным! Не то чтобы я никогда его не надевал, все-таки золото – благороднейший из металлов, а что может идти мне больше, чем...

От пинка Люциана пленник прямо посередине фразы полетел на камни. Точнее, сквозь камни. Викториус просто в них исчез.

– Ээ... Люциан, – неуверенно начала я.

Он нахально мне улыбался:

– Я бы пропустил тебя первой, но не уверен, чем там занят наш «голубок». Поэтому иди за мной. *Mi casa es su casa*⁶.

С этими словами он просто шагнул в каменную стену и исчез, как и вспыхнувший в тот момент свет, а я снова сто-

⁶ Мой дом – твой дом (*исп.*).

яла в темноте. Я нервно всплеснула руками. И как меня сюда занесло? Бормоча: «Наверно, я свихнулась», я сделала решительный шаг в скалу.

Никаких неприятных ощущений. Только пару раз меня обдало воздушным потоком, как на входе в супермаркет зимой. Неожиданно я оказалась на своеобразном балконе над гостиной. Слева от меня вниз устремлялась металлическая лестница. Тут было так ярко, просторно и современно, что казалось абсолютно неуместным посреди громадного вала.

– ...слишком однообразно. Я бы добавил больше цвета. Может, поклеил бы обои с очаровательным узором, чтобы прикрыть эти противные стены из натурального камня. Они выглядят ужасно грубыми и холодными. С другой стороны, это опять же в твоём стиле. – Викториуса явно не лишило дара речи все это великолепие, находящееся в буквальном смысле слова нигде. И он не отказывал себе в удовольствии выразить мнение о жилище Люциана. – Пол – отрада для глаз. Что это? Орех? Вишня? А этот диван... При виде него у меня тут же возникают фантазии с тобой в главной роли. Хотя должен признаться, кремовые и коричневые оттенки не идут под мой цвет лица. Но мне же вряд ли удастся уговорить тебя на пару светло-розовых подушечек?

Люциан молча обошел барную стойку, отделяющую гостиную от кухни.

– О. Мой. Бог. Это твоя кровать? Да она же огромная!

– Захлопнись! – скомандовал Люциан и усадил Викториуса на стул, который принес с кухни.

– Ну замечательно! Стоит лишь капельку озаботиться цветовой гаммой, и тебя уже не пускают на диван. Что скажешь, лапонька? Ты не находишь, что этому дому недостает женской ручки?

Если бы я на миг представила, что он мог иметь в виду под «ручкой», мое лицо залила бы краска. Потому что ручки на сто процентов были бы его, а спектакль с жестикуляцией и драматично страдающей миной меня только рассмешил.

– Не слушай его, – проворчал Люциан и позвал меня к себе на диван. Я спустилась по лестнице и села рядом с ним. Диван правда был комфортным, как и предсказывал Викториус.

– Ясно-понятно. Девчонке на диван можно. Девчонок всегда пускают на диван! – надулся он, порывисто закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. Сюда, в современную квартиру-студию, он лучше вписывался, чем в лесную чащу снаружи. На нем был надет ансамбль – по-другому и не скажешь – в разных тонах фиолетового. Пурпурный бархатный костюм и рубашка из нежно-лилового шелка. Бежевые туфли и платочек в кармане пиджака выгодно оттеняли соломенные волосы, уложенные на косой пробор. Вместо галстука или бабочки воротничок поддерживал аккуратно завязанный шейный платок баклажанового цвета. А из-под воротничка выглядывало странное переплетение светлых ли-

ний на его шее. Оно напоминало печать, полученную мной от Люциана, только форма не круглая.

Люциан тоже внимательно изучал своего узника, но, гарантирую, выбор одежды его не интересовал. Наконец он откинулся на спинку дивана и шумно вздохнул:

– Что же предлагает Джирон?

– Хм, вот так сразу с места в карьер? Никакой тебе светской болтовни, шуточки или такой мелочи, как предложить гостю напиток? Понимаю, понимаю: человек дела. – Викториус слегка ослабил узел на платке, сложил ручки на коленях, меж тем как в его взгляде появился нехороший блеск.

– Учитывая твою нынешнюю ситуацию, мой мастер готов предоставить тебе уникальную возможность. Так как ты больше – как бы это сформулировать? – не в ладах с Лигой, он видит тебя одним из своих. Таким образом, он дарит тебе шанс передать ему объект его непосредственного интереса, прежде чем против тебя будут предприняты определенные меры.

Лицо Люциана стало непроницаемым.

– А предмет его интереса – это?.. – переспросил он. Викториус скептически цокнул языком, демонстрируя, что он думает о наигранном непонимании Люциана.

– Юная леди, которую ты охраняешь, – его лицо излучало дружелюбие и даже симпатию, когда он обратил его ко мне. – Извини, деточка, нас друг другу не представили. Но я ведь не ошибаюсь, предполагая, что ты мисс Харрис?

– Зачем она ему? – Люциан не дал мне открыть рот, чтобы исправить Викториуса: с фактического развода родителей я взяла другую фамилию.

– Чтобы убить, мой маленький медвежонок. Зачем же еще? – воскликнул посланник и ненатурально захихикал. Но осознав неприемлемость своего высказывания, все же добавил в мой адрес: – Прости за откровенность, ангелочек.

Не очень помогло. Люциан сделал глубокий вдох, а выдох опасно приближался к рычанию.

– Джирон годами работал с Харрисом. С какой стати ему теперь убивать его дочь?

– Нет, нет, нет. Я здесь не для того, чтобы обсуждать с тобой подробности из жизни моего господина, – слуга Джирона вновь деланно засмеялся высоким голосом и замахал перед собой ладонями.

– Наверное, так тебе лучше и поступить. Ради твоего собственного благополучия.

Актерских ужимок Викториуса как не бывало. В глазах засветилось понимание, но улыбка никуда не делась. «А сиреневый человечек-то умнее, чем прикидывается...»

– Ну-ну. Ни к чему угрожать насилием. Я – за честный бизнес и держу обещания.

Люциан сразу сообразил, к чему он вел.

– Чего ты хочешь?

Ответ Викториуса прозвучал четко и быстро:

– Сохранить воспоминания об этом прелестном вечере.

– Ни за что.

– Как и ожидалось... Как насчет моих воспоминаний о тебе?

Его инсинуации заставили Люциана на минуту задуматься.

– Несколько минут снаружи – и мой ответ Джирону.

– Всё до появления здесь нашей красавицы. Кроме этого – как ты входил в убежище – честное слово, добавить подходящую музыку, эффект замедленной съемки – и получилось бы идеально! – ну, и, конечно, твой ответ моему мастеру.

– По рукам.

– Даешь слово?

– Даю слово.

– Изумительно, – Викториус в восторге захлопал пальцами-колбасками. Затем поменял ноги местами и воззрился на нас, словно готовясь произнести новость века. – Итак, мои милые голубки, мой господин уже какое-то время не сотрудничает с Харрисом.

Новость ошеломляющая, хотя и не для меня. Люциан оторопел.

– Как давно?

– Примерно восемь лет.

– По какой причине?

– К сожалению, этого я достоверно не знаю. Но признаю, что сам стыжусь за этот пробел, потому что я всегда и обо всем максимально осведомлен, – загрустил Викториус, и я

поверила ему на слово. Хозяин точно держал его не ради физического труда.

– И их разногласия – причина, по которой твой мастер хочет смерти дочери Харриса? – нетерпеливо спросил Люциан.

– Ах, сокровище мое, малютка Харрис – причина того, почему они поцапались. Впрочем, я тогда подслушал только обрывки разговоров... так что этот вопрос мучает нас с тобой в равной степени.

«Мой все-таки-не-папа и праймус, жаждущий моей крови, разругались из-за меня?»

– Как ты нас отыскал? – Люциан продолжил допрос.

– Я тебя умоляю, моя сливочная пеночка! Джентльмен не раскрывает все свои секреты, – возмущался Викториус. Пара секунд под убийственным взглядом Люциана заставили его капитулировать. Фыркнув, он поднял обе руки вверх.

– Ладно, так и быть. Я проследил за катом на случай, если они облажаются – что неудивительно для этих отупевших грубиянов с мозгами, как у одноклеточных. И вуаля, мой медовый горшочек – теперь я здесь: пленен и полностью во власти самого горячего из всех праймусов. Если бы только знали мои подружки!

Люциан рядом со мной резко втянул в себя воздух. Я не так давно знала обоих, но мне было ясно, что маленький сиреневый человечек и большой злой демон не очень-то совместимы. Приплюсуйте сюда закончившееся терпение Люциана, которое раз за разом испытывали прозвища вроде «медо-

вого горшочка», и получите взрывоопасную смесь. Может, что-то изменится, если вмешается третья сторона...

– А откуда эти катюшки знали, где меня искать?

Внимание Викторюса моментально переключилось на меня. При этом я заметила, как насмешливо блеснули его глаза. У меня свело желудок. На долю секунды я увидела хладнокровного стратега, прячущегося за внешностью плюшевого медвежонка. Промашка с его стороны? Наверяд ли. Для подобных упущений он слишком хорошо играл свою роль.

– А тут, подснежничек, далеко не все так просто. Харрис проработал для тебя очень надежное прикрытие. Платежи в другие интернаты, подставные актрисы, которые играли его бывшую жену и дочь в разных местах в одно и то же время. Ну и, само собой, весьма эффективное обманное заклинание, которое он, по-видимому, на тебя наложил.

– Прошу прощения? – я не могла подобрать слова. На помощь пришел Люциан:

– Стекланный шар. Аквариум с акулами.

На этот раз не понял Викторюс, что чертовски порадовало Люциана. «Народ, не могли бы вы сосредоточиться на самом главном? Мой все-таки-не-папа платит актерам, которые изображают меня!»

– Как бы там ни было, – продолжил Викторюс, – это заклятие не давало тебя выследить. А то, что ты находилась на территории, подконтрольной Плеяде, еще больше усложня-

ло ситуацию, – он страдальчески потряс головой, прежде чем снова взять на прицел Люциана. – Для таких случаев у праймусов есть специальные собаки-ищейки. Не правда ли, зайчик мой? Только брахион мог найти дочь Харриса. И только брахион, отошедший от Лиги, сделал бы это...

О'кей, если раньше я думала, что потеряла дар речи, это стало просто вишенкой на торте.

– Вы отправили Люциана по моему следу?

– Ах, деточка, у нас даже следа твоего не было. Мы только знали, что ты есть, и позаботились о том, чтобы ненавидящему Харриса Люциану стало это известно. Что любопытно, он все же тебя не убил. И этот факт, маленькая моя, заставляет меня приглядеться к тебе внимательней, чем ко всем остальным.

– Выходит, Джирон подкинул мне сведения и использовал меня, чтобы уничтожить Ариану?! – каждое слово обещало суровое возмездие всем, кто признается, что они об этом знали.

– Боюсь, так и есть, – удрученно произнес Викториус, ни капли не испугавшись. – Тем более романтично, что вы двое сидите здесь в полном согласии. Мятежный демон и дочь человека, на совести которого его погибший лучший друг.

Я в ужасе взглянула на Люциана. Его лицо потеряло всякое выражение, он встал и шагнул к пленному.

– Викториус. Ты без приглашения приблизился к занятому убежищу Тимеона и переполнил чашу моего терпения.

Но ты был весьма полезен и в некоторой степени уважителен. Исходя из этого, я также проявлю к тебе уважение и отправлю тебя с ответом обратно к мастеру, вместо того чтобы прислать ему твою голову в качестве ответа.

– Смотрите-ка, он умеет быть красноречивым... сногшибательно! – его внимательный взгляд противоречил легкомысленному выбору слов.

– Можешь передать своему мастеру следующее: несмотря на то что я в данный момент не сотрудничаю с Лигой, я все еще разделяю их взгляды. Поэтому я выдам любого изменника, нарушающего законы Канона, и убью любого, кто посмеет притронуться к этой девушке.

Викториус смиренно кивнул:

– Только для ясности, потому что я уверен, что господин потом спросит меня: существует ли вероятность, что при определенных обстоятельствах когда-нибудь ты... уберешь дочку Харриса?

– Это не касается ни тебя, ни твоего господина! – пугающе тихо ответил праймус.

Сообщение доставлено.

– Чудненько, – проворковал Викториус, вставая, – значит, на этом моя миссия выполнена. Полагаю, сейчас ты захочешь немножко поиграть с моей памятью.

Бросив на меня косой взгляд, он добавил:

– Прощай, мой маленький ландыш! Благодаря твоей живой непосредственности и вопреки твоей бледности я, вне

сомнений, сохраню тебя в своем безграничном сердце. Позволь дать тебе небольшой совет на будущее: не доверяй мне. Будет очень жаль, если мой мастер преуспеет в своем намерении тебя убить. Но для этого тебе и нужен этот знойный парень! Если бы не пришлось тебя забыть, я бы вечно тебе завидовал, потому что у тебя есть такой сказочно красивый тигр. Addio, amore!⁷ – Следуя одному ему известному сценарию, он послал мне воздушный поцелуй, схватился за сердце и с мученическим выражением лица закрыл голубые глаза.

⁷ Прощай, любовь моя! (*Ит.*)

Глава 8. Обо всём на свете

Какой-то промежуток времени я просидела в студии Люциана одна. Кроме кучи одежды, сваленной на кресле, квартира Люциана была очень аккуратной. На стенах не было ни картин, ни фотографий, а на отдельно стоящем книжном стеллаже, который придавал открытой спальной зоне немного уединения, стояло только одно не особо выразительное собрание произведений мировой литературы. В общем и целом, абсолютно безличное пространство ничем не выдавало присутствия сверхъестественного жильца. Под крючками для одежды к стене прислонился чехол для гитары. На кухонной стойке одна кофейная чашка. Рядом с ней – iPad, пара газет и открытая записная книжка. После короткого внутреннего спора со своим хорошим воспитанием я рискнула сунуть туда нос. Страницы были исписаны ровным убористым почерком, но я все равно не смогла прочесть ни слова. Все надписи были не просто на незнакомом языке, отличалось и начертание букв. Некоторые знаки я уже видела на печати, которую дал мне Люциан.

– Сомневаюсь, что тебе это как-то поможет, – сказал Люциан, выходя из каменной стены. Порыв ветра из волшебного перехода еще играл в его волосах.

Я неловко переступила с ноги на ногу:

– Я... я не хотела... ну, я хотела просто... – заикалась я.

Люциан махнул рукой:

– Все нормально. Сам виноват, раз оставил ее открытой, – мимо барной стойки он прошел на кухню и открыл холодильник.

– Что ты сделал с Викториусом? – я сменила тему.

– Стер опасные воспоминания, создал пару-тройку фальшивых и запихнул его в машину, на которой он приехал.

Люциан достал бутылку тоника, потом бутылку джина, лимоны и кубики льда и смешал все это в стеклянном графине. Только тогда до меня дошло.

– Лучший джин-тоник, который ты когда-либо пробовал, – это твой собственный? – спросила я, пока он доставал два стакана из кухонного шкафа.

– Когда-то я работал в одном баре на Манхэттене, – ухмыльнулся он. Подтверждая сказанное, он с профессиональной ловкостью покрутил стаканы в воздухе, прежде чем разлить в них коктейль. Подмигнув, он толкнул стакан по барной стойке в мою сторону и поднял свой:

– За ответы, которые мы, надеюсь, скоро получим.

Да у нас разговор по душам! Мы чокнулись. Он выпил половину и снова наполнил стакан. Я не спешила и просто потягивала напиток. Это и правда был потрясающий джин-тоник.

– Удовлетворена? – лукаво поинтересовался Люциан и направился со стаканом и кувшином к дивану. Я кивнула.

– По крайней мере в том, что касается обещания джин-тоника.

Хорошее настроение испарилось. Он виновато вздохнул и сел.

– Ариана, послушай. Мне очень жаль, что я втянул тебя во все это, – в своей прагматичной манере он просто дернул плечом.

– Это же вина Джирона, – отмахнулась я, но Люциан покачал головой.

– Я должен был знать, – с неудачами бессмертный демон справлялся так же плохо, как с опекой несовершеннолетних. Но его настроение могло помочь мне выпытать хоть какие-то ответы.

– Кто вообще этот Джирон? Ну, кроме того пункта, что его лучше избегать, – спросила я, тоже усаживаясь на диване. Я долго не могла найти себе место поудобней между подушками, а когда наконец подняла глаза, заметила, что Люциан за мной наблюдает. Он улыбался, а мне ничего не оставалось, кроме как признать правоту Викторюса. Этот праймус и правда сливочная пеночка. Слава богу, пеночка, кажется, не заметила, что я замечталась, и вместо этого ответила на вопрос:

– Джирон вышел из Лиги пару веков назад. Обычно отступники держатся особняком и скрываются, но Джирон быстро создал целую сеть, которая поддерживает его сомнительную деятельность и преступления. Уже несколько десятков лет он не пачкает руки.

– Как мафия? – поразилась я.

– Да, и уничтожить их так же тяжело.

– Финиш! Меня хочет прибить бессмертная мафия. – Большой глоток джин-тоника достиг моего желудка и помог немного притушить панику. Это и серьезный взгляд Люциана, когда он произнес:

– Я этого не допущу.

Он откинул волосы со лба. Я успела привыкнуть к этому жесту.

– Использовать меня было ошибкой. Джирон, должно быть, под большим давлением, раз пошел на такие рискованные меры. Жалко, что память Викторуса защищала печать.

Хотя мне не понравилось услышанное, я не могла не улыбнуться, вспомнив об эпатажном сиреневом павлине.

– Похоже, он по-настоящему на тебя запал, – поддразнила я Люциана. Он хмыкнул и налил себе еще.

– Викторус хорошо знает правила игры, иначе он бы не поднялся так высоко у Джирона.

– Что ты имеешь в виду под «так высоко»?

– У отмеченных праймусом существует своего рода иерархия. Чем мощнее у человека печать, тем выше его положение среди приближенных. Видела символы у него на шее? – спросил он. Я кивнула. – Это метка Джирона. Она – как контракт на особых условиях до самой смерти. Викторус продал душу своему хозяину.

– Ты прикалываешься? – вырвалось у меня. Люциан озадаченно посмотрел на меня.

– А ты думала, истории, где люди продают душу дьяволу, взялись сами собой из воображения писателей?

Самонадеянность Люциана испытывала мое терпение, но еще сильнее я злилась на саму себя. Всего за несколько дней мой мир перевернулся с ног на голову, а у меня все еще постоянно отвисала челюсть, когда я натыкалась на новое откровение. Почему я никак не могла привыкнуть? Мне определенно не понравилось висеть в петле неведения. С твердым намерением свести на нет свою способность удивляться я залпом допила коктейль, усердно игнорируя ухмылявшегося праймуса. А стакан-то был не маленький...

– Значит, Джирон коллекционирует души... – я вернулась к теме. По мышцам прокатилось ощущение расслабленности: джин начинал действовать. Люциан потянулся за графитом.

– Не совсем так. Души – это чистая энергия. Их нельзя коллекционировать, как почтовые марки. Метка Джирона – это договор, который – помимо всего прочего – после смерти Викториуса переправит высвободившуюся энергию его души Джирону.

Он наполнил оба стакана, не замечая, как мастерски я контролирую свое лицо. Гордясь собой, я как можно более уравновешенно спросила:

– А что происходит с душами других умерших?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? – со смешком возмутился Люциан. – Может, нас и называли божественны-

ми, но это еще не значит, что мы и есть Бог.

Мой рот открылся сам собой:

– Ты веришь в Бога?

«Вот блин...» А вот и он, с недавних пор такой знакомый мне шок. Люциан поморщился, как будто мой вопрос сделал ему физически больно.

– Эй, ты пользуешься тем, что я пьян, чтобы меня разговорить?

– Ты? Пьян? – фыркнула я.

– Конечно, еще двенадцать таких, – он постучал указательным пальцем по стакану, – и я слегка опьянею.

– Так нечестно. Я уже опьянела, – неожиданно я икнула, словно организм решил подтвердить мои слова. А потом еще раз. «Наверно, надо было что-нибудь съесть», – поругала я себя.

Тогда мне пришло в голову, что стоит притормозить с джин-тоником. Как бы заманчиво это ни звучало, не могла же я напиться в доме у бессмертного, прямо внутри скалы.

– Хорошо, тогда будем играть честно. – Люциан спрыгнул с дивана, чтобы порыться в шкафчиках на кухне. – За каждый твой вопрос мне я задам один тебе.

Это очень напоминало фильм «Молчание ягнят», но я не смогла найти подвоха.

– По рукам, – через плечо прокричала я на кухню. Единственным ответом был звон посуды и звук рвущейся упаковки. Если бы мир вокруг меня так не кружился, я бы оберну-

лась посмотреть, чем он там занимается. А так мне оставалось только гадать и разглядывать пустой диван перед собой.

– Итак: ты веришь в Бога? – допытывалась я. Снова шуршание, и наконец-то приглушенный голос Люциана. «Он что, с головой в шкаф залез?»

– Во всяком случае, я верю, что есть кто-то, кто причастен ко всему, что с нами происходит. А Бог ли это, судьба или что-то еще, мне по большому счету все равно.

Скоро он вернулся в поле моего зрения. Подражая официантам, в одной руке он нес сразу несколько тарелочек с закусками, а во второй – снова полный графин.

– Другой еды здесь, к сожалению, нет. Тимеон не любит заполнять продуктами свои убежища.

«Ого, я так плохо выгляжу, что он решил помочь мне протрезветь? – Но когда сам Люциан зачерпнул большую горсть орешков кешью, я мысленно пожала плечами: – Начну волноваться, когда он предложит мне кофе».

– Ты постоянно твердишь об этом Тимеоне, как будто ты с ним знаком. Он праймус? А если да, как он допустил, чтобы его именем назвали бесполезные ворота посреди леса?

Люциан бросил на меня осуждающий взгляд.

– В качестве исключения я дам тебе фору в один вопрос – но только из уважения к хозяину дома. – Он скрестил ноги. – Тимеон очень-очень старый праймус. Прошли столетия с тех пор, как он отгородился от мира, и ему безразлично, кто там что называет в его честь. В его убежищах может останавли-

ваться кто угодно, но есть определенные правила, – объяснял Люциан. – Эти укрытия – что-то типа Швейцарии. В сущности.

«Нейтральная территория, значит?» Звучит не так плохо. Люциан откашлялся и напряженно посмотрел на меня: у нас же была договоренность.

– Валяй!

– Сколько тебе было лет, когда твой отец от вас ушел? – захотел он знать.

– Двенадцать, – если так пойдет и дальше, я спокойно продержусь до конца этой сделки. Моя очередь.

– Если душа Викториуса уже принадлежит Джирону, почему он тогда просто его не убьет и не получит свой «душевный энергетик»?

Люциан непринужденно махнул рукой и закинул в рот еще парочку орешков.

– Это была бы пустая трата ресурсов. Человеческая душа – это как... дойная корова. Живой она намного полезнее. Ее можно каждый день доить и периодически подкармливать. И только когда она состарится и перестанет давать молоко, ее убьют и съедят всё мясо. Так всегда бывает, кроме крайней необходимости, естественно.

«Эммм...»

– Вау, это было до такой степени неполиткорректно, что я даже не знаю, как реагировать.

Люциан невинно пожал плечами, что можно было тракто-

вать как: «Ты сама спросила». Потом он запил орехи оставшейся половиной стакана джин-тоника и долил себе еще. Он пил уже пятый стакан.

– Теперь я: ты видела отца после развода?

Опять легкий вопрос.

– Нет.

Я продолжила:

– У меня есть душа?

– Да, – он так же быстро задал свой вопрос: – Как думаешь, твоя мама знает, что Харрис не твой биологический отец?

«Как она может не знать?» Смешно. Или не очень? В любом случае, довольно неловко, поэтому я была вынуждена ухватиться за спасательный круг, который стоял передо мной на столе, налитый до краев.

– Ну, да, надеюсь. Иначе всё вообще пойдет наперекосяк. Она никогда даже не намекала на что-то подобное.

Станный вопрос, странный ответ. Лучшего он не заслужил. Настало время переходить к тяжелой артиллерии.

– Ты считаешь, что мой... настоящий отец, вероятно, был праймусом? – сказала я. Люциан немного помолчал, а потом задумчиво кивнул:

– Теоретически такое возможно. Но в таком случае ты не унаследовала его силы. Магию полукровки я бы в тебе почувствовал.

Да, верно. Что-то такое он уже говорил.

– До развода ты часто оставалась с отцом наедине? – продолжал он. Я прикусила губу, вспоминая.

– Время от времени мы выбирались куда-то с ним вдвоем. Кроме этих поездок я не припоминаю моментов, когда мамы не было бы с нами, – поразительно, но я и сама этого не понимала. Раньше никто меня об этом не спрашивал. Люциан снова запустил руку в тарелку с едой, а потом пододвинул ее ко мне. «Всё так очевидно?» Я сделала ему одолжение и съела чуть-чуть... «Это печеньки-жирафы?!» Как ни странно, они оказались очень вкусными, особенно учитывая, что я нормально не ела уже несколько дней.

Выжидательный взгляд Люциана напомнил, что сейчас моя очередь.

– У всех полукровок есть души?

– Это сложноватый вопрос.

– Попробуй, – предложила я, уговорив еще пару жирафов.

– У праймусов могут быть дети от людей. Если отец – праймус, а мать – человек, у ребенка будет душа и слабые сверхъестественные способности. Вы называете таких людей ведьмами, магами, жрецами вуду... – Я изумленно подняла глаза от своего «звериного» перекуса. Прежде чем до меня дошло, что он только что сказал, Люциан уже вернулся к игре в вопросы: – Куда вы ездили с отцом?

«Вот пристал!»

– По-разному. Мы часто ходили в кино. Кажется, я смотрела «Русалочку» десятки раз. Еще я помню ярмарку и зоо-

парк.

Мне нужно было время, чтобы осознать существование ведьм, но я решила не тратить на это следующий вопрос. Куда любопытней было то, о чем он умолчал.

– А что будет, если праймус – мать?

Его глаза сообщили мне, что эту тему он бы с удовольствием замял. Но глазам противоречила улыбка. «Боже мой, когда ехидная улыбочка успела так высоко подняться в моем рейтинге Самое сексуальное, что делают парни?»»

– Ни одна душа не выживет в теле праймуса, не говоря уже о девяти месяцах беременности. Ребенок бы родился нежитью. У него бы не было ни души, чтобы жить, ни способностей праймуса, чтобы питаться чужими эмоциями. Поэтому ему бы пришлось искать другие пути.

Даже с алкогольным туманом в голове я заметила, что этот хитрец все время пытается увести разговор в другую сторону. Хотя я все равно не желаю знать от чего.

– Маленькая Ариана когда-нибудь думала о том, кем работает ее папочка? – спросил он дальше.

– О, долгое время я думала, что он стоматолог, – сказала я с ухмылкой. – Только намного позже я узнала, что он генеральный директор гигантской фармацевтической корпорации. Но к тому моменту я уже убедила всех детей в садике, что мой папа придет и просверлит им зубы, если они не прекратят надо мной смеяться.

Это вызвало смех у сидящего передо мной демона. И его

смех звучал так красиво и тепло, что в какой-то момент я просто им заслушалась. Уже давно я не позволяла воспоминаниям выползать из темного уголка, куда они были надежно упрятаны. Но даже тогда мне бы никогда не пришло в голову, что будет так приятно слышать, как кто-то смеется над ними.

– Теперь ты, – тихо напомнил он.

– Какие другие пути нашли полукровки-нежить, чтобы питаться?

– Живое человеческое мясо или кровь несут в себе минимальный след связанной с ними души. Это утомительно и не очень продуктивно, но так они могут выжить.

– Ты же сейчас не о вампирах говоришь? – шокированно воскликнула я. Он засмеялся.

– Да, но это уже два вопроса.

– Ничего подобного! – запротестовала я, прежде чем поняла, что вообще-то он прав. – Это был всего лишь... удивленный... риторический... возглас. – Его зеленые глаза смотрели на меня в упор, так что я сдалась и выдохнула: – Спрашивай!

– Почему стоматолог? – выдал он.

– Ой, без понятия.

Люциан скептически уставился на меня. Я искренне выпалила: «Честно!», а усмешку над его помрачневшим лицом спрятала за стаканом джин-тоника. Люциан смиренно вздохнул.

– Предвосхищая твой вопрос: да, я говорил о вампирах. По крайней мере, вы называете их так. Мы называем их сущим наказанием. Они тупее сахарной ваты, потому что не получали необходимого питания в период развития. Убивают без разбору, когда им вздумается.

– А я не об этом хотела спросить, – соврала я. Конечно, Люциан видел меня насквозь.

– Врушка, – тихо рассмеялся он.

– А ты докажи! – потребовала я. Зеленые глаза нашли мои. Блеск в их глубине выдавал, что он раздумывал, а не принять ли мой вызов. Прохладное покалывание побежало вниз по позвоночнику. Я неловко поерзала на подушках. Это то же ощущение, что я часто испытывала рядом с Люцианом. Между тем я гадала, не воспринимала ли я так его силу? С остальными праймусами тоже так будет?

В конце концов Люциан проиграл в гляделки. Он отвел взгляд, и покалывание пропало. Его рука – снова – скользнула к волосам. Почему-то у меня возникло впечатление, что он был бы рад закончить нашу викторину.

Но он этого не сделал.

– Ты когда-нибудь была у отчима на работе?

«Ого, да он помешался на Уилсоне Харрисе!»

– Не так чтобы я об этом знала. Когда мы куда-то выбирались, часто приходилось проезжать мимо его работы, потому что ему надо было что-то передать. Но мы никогда не задерживались, и за работой я его тоже ни разу не видела, –

рассказала я и сразу спросила сама: – Если вампиры ничего не соображают, почему никого из них еще не обнаружили?

– Уже один факт того, что ты знаешь о вампирах, подтверждает, что им в этом не всегда везет. Обычно родители этих бестолочей следят за тем, чтобы они не попались. Если нет, об этом заботятся брахионы, – лаконично объяснил он. А я снова не смогла уберечь свою челюсть от падения.

– Вы охотитесь на вампиров?

Люциан укоризненно приподнял бровь, напоминая, что я снова задала лишний вопрос.

– Прости, – смутилась я и сделала еще глоток джин-тоника. Он правда был слишком вкусным...

– У тебя осталось что-нибудь, что подарил или дал тебе отец? – от нетерпения он подался вперед всем телом.

– Нет. После развода я все закопала в лесу.

«Ха! Я тоже могу уходить от прямого ответа». Зеленые глаза снова остановились на моем лице. Он точно знал, что я делала.

– Вы охотитесь на вампиров? – повторила я свой вопрос. Люциан медленно кивнул и снова откинулся на спинку дивана, сцепив руки на затылке.

– Более-менее. Уже несколько веков праймусам запрещено заводить детей с людьми. Тем не менее среди отступников это время от времени происходит. И да, тогда мы вмешиваемся и охотимся на них.

Очередь перешла к нему.

– Есть у тебя какие-нибудь особо выдающиеся способности или таланты?

«Это еще что за вопрос?»

– Эмм... Нет, – озадаченно начала я. – Лиззи считает, что я хорошо пою, но, думаю, тебя интересует не это.

Он, улыбаясь, покачал головой и налил себе шестую порцию джин-тоника. Или это уже седьмая? В мой стакан он тоже долил.

Чтобы отвлечь внимание от своих несуществующих талантов, я поскорее вернулась к вопросам.

– Запрет на рождение детей появился из-за вампиров?

Он со вздохом закинул ноги на диван и поставил тарелку с соленой соломкой себе на живот.

– Нет, не совсем. На самом деле их не так много. Они треплют нервы, но по-настоящему для нас не опасны. Особенно после того, как пиар-служба Лиги превратила вампиров в чувствительных слабаков в глазах людей. Нет, запрет наложили из-за ведьм.

– Подожди. Ты сказал, что запрет действует уже несколько веков. Если у ведьм есть души, если они – люди и смертные, то сколько же ведьм может быть сейчас?

– Мда... Ведьмы передают свой магический дар наследникам. А если они рожают детей друг от друга, то их возможности становятся безграничными. Конечно, они не могут восстанавливать силу от человеческих душ, как мы, и они не живут вечно. Но все же они могут нанести серьезный вред,

объединяя в кланы сильнейшие кровные линии и выступая против нас.

– Зачем им это? – вставила я.

– А вот в этом мы, видимо, сами виноваты.

– Дай угадаю: когда все из себя могущественные прайму-сы смекнули, что их дети могут представлять для них угрозу, они решили принять срочные меры и объявить на них охоту.

– Инквизиция – не самая светлая глава в наших Хрониках, – устало заметил он.

– Да ты меня разыгрываешь! Сжигание ведьм на кострах – тоже ваша вина? – закричала я. – Не удивительно, почему ведьмы вас недолюбливают.

– Итого четыре вопроса подряд...

– Да, да, хорошо. Я только быстро схожу в туалет, а потом буду в твоём полном распоряжении.

Ухмыльнувшись, он показал на незаметную дверь между кухней и спальней. Я, пошатываясь, поплелась туда. Вата в голове и качающаяся перед глазами комната ударили по всем сигналам тревоги. Я не просто была слегка навеселе, я напилась. Всего двумя коктейлями? Тут что-то не так. Сидя на унитазе, я всеми силами пыталась сохранить в себе печеньё в форме жирафов, потом вымыла руки и перед выходом побрызгала на лицо холодной водой. Так я еще не напивалась...

Пока я шла обратно к дивану, вокруг всё кружилось. И это не прекратилось, даже когда я села и зажмурилась.

– Все хорошо? – осведомился голос Люциана с другого

конца кофейного столика.

– Ага... просто слегка перепила, – пробормотала я. – Давай свои вопросы, – после этого вечера я ни в коем случае не хотела остаться у него в должниках.

Наступила тишина, но я чувствовала, что он за мной наблюдает. Возможно, он перебирал в голове вопросы о моем отце, которые еще не успел задать. «Об отчине», – исправились я. Какой бы желанной ни была мысль о том, что во мне не течет кровь этого человека, а от старых привычек избавиться нелегко.

– Кто были те ребята на парковке?

Я распахнула глаза и посмотрела на Люциана. Он был само спокойствие, но в его взгляде светилось что-то, что я не могла разгадать.

– Брендон? – уточнила я, наморщив лоб. Этот праймус правда умел удивлять. – Он полный придурок и мой бывший. Невыносим и сам по себе, а уж когда с приятелями... – Я повела рукой в воздухе и изобразила на лице, как мне казалось, пренебрежительное выражение. Но в таком состоянии ни в чем нельзя быть уверенной.

– Если он такой невыносимый, почему ты с ним встречалась? – он все еще пронзал меня горящими зелеными глазами.

– Отличный вопрос. Была наивной и влюбленной, – это еще мягко сказано. «Безмозглая, по уши влюбленная дура» было бы точнее. К несчастью, часть про влюбленность можно

было применить только ко мне.

– Он причинил тебе боль?

«О, да».

– Не думаю, что тебя это касается.

Мои воспоминания о Брендоне были надежно спрятаны в запертом сундуке. Там пусть и остаются.

– Когда я вас увидел, от тебя исходил страх, – докапывался Люциан. От него не укрылось, как я сжала зубы. – Что он тебе сделал, Ариана?

Независимо от моей воли его мягкие вопросы перенесли меня назад, в ночь вечеринки в общежитии для мальчиков. Миссис Кент спрашивала у меня то же самое. Тогда я ей не ответила и не собиралась делать это сейчас. Это никого не касается.

– Просто он урод, – уклончиво прошептала я в ответ и вытащила из кармана мобильник. «Быть не может!» Мне казалось, что было уже три часа ночи, а на самом деле только одиннадцать. Наверно, часы отставали. Я еле-еле поднялась на ноги. Язык заплетался. – Пора домой. Уже поздно.

Причем в срочном порядке. Потому что у меня не получалось держать равновесие, не опираясь на диван. Люциан тоже встал и протянул ко мне руку, готовый в любой момент меня поймать.

– Тебе нельзя домой, – спокойно сказал он. Я закатила глаза и решительно потопала к стене, где предположительно должен был находиться выход.

– Да знаю я... имею в виду... к Лиззи, – пол отказывался не менять своего положения в пространстве. Мои ноги шагнули в пустоту. Неожиданно я схватилась за кухонную стойку, которая, по моим прикидкам, находилась значительно дальше от меня. Сильная рука на моей талии спасла меня от неконтролируемого падения.

– Опля... думаю, никуда ты не денешься, – прошептал Люциан мне на ухо. В его голосе угадывалась улыбка.

– Я точно буду спать, – сердито выговорила я и предприняла попытку высвободиться из его захвата. Бесполезно.

– Да ты уже почти спишь. А Лиззи только упрекнет меня в том, что я тебя споил, – говорил он, ведя меня перед собой. Выход и кухня остались где-то позади.

– Ткты и споил! – обвинила я его. Он тихо рассмеялся, теплое дыхание коснулось моего затылка.

– Ну, может, самую малость.

– Ты знал... я б не стала... рзгварть... об отце... – Довольная своей потрясающей дикцией, я мельком отметила, что завалилась на что-то мягкое. Сначала я подумала, что он привел меня обратно на диван, но моя голова свободно откинулась назад, не встретив никакого сопротивления.

– Он не твой отец, малышка.

«Черт, – я уже опять забыла, что моя заветная мечта сбылась. – Уилснхаррс не мой папа. Уилснхаррс не мой папа. Уилснхаррс не...» Моей ноги что-то коснулось и потянуло ее в сторону. Я отвлеклась.

– Ты чтмня рздвнешь?! – я начала отчаянно брыкаться, чтобы избавиться от его рук. Люциан осуждающе цыкнул и снова поймал меня за ногу. Судя по холодку, который я почувствовала пальцами ног, он снял с меня ботинки и носки. Потом лицо Люциана показалось прямо надо мной. Его взгляд опустился ниже и остановился на моей груди. Я подозрительно покосилась на него. Ладонь с кольцом на указательном пальце оказалась слишком близко к моему телу. Я шлепнула его по руке. Ну, по крайней мере, попыталась.

– Лежи спокойно, – проворчал он и расстегнул молнию на толстовке Лиззи. У меня судорожно сжалось сердце. Потом он приподнял меня и стянул кофту с моих плеч. Я смутно припомнила, что под ней на мне еще майка, но у меня все равно началась легкая паника.

Люциан скривился, когда сосредоточенно вытаскивал мои руки из рукавов. Я не сдержалась и захихикала.

– У тебя ткое лицо, кбудто ты съел лимон, – лепетала я. Одна рука на свободе. Здорово, теперь я могла дать отпор... если бы вспомнила, как это делается.

– У недоверия отвратительный вкус, – пояснил он, и до меня дошло. Он вытащил вторую руку, а я рухнула на матрас.

– Ты от мня крмишься? – спросила я потолок. Лицо Люциана снова возникло в поле зрения. На этот раз он смотрел мне прямо в глаза.

– Нет, потому что у недоверия отвратительный вкус, – по-

вторил он подчеркнуто медленно, словно разговаривал с маленьким ребенком. И снова куда-то пропал.

«Ох...»

– А ты уже... ну, от меня?

– Один раз, – его голос раздавался откуда-то издалека. – Когда сегодня после пробуждения ты не дала мне уйти. Ты доверилась мне без всяких на то оснований, я не смог удержаться.

– Пспшила, да? – спросила я.

– Чего? – голос снова приблизился.

– Ну, с дверием... Ты ж всравно за меня взялся, – пробубнила я. Люциан засмеялся.

– Расслабься, малышка. Ты для меня слишком маленькая.

Правильно, он же у нас бесмееееертный демон, а я-то решила, что он западет на меня, как мальчишка-подросток. «Пфф...» Я успокоилась. Покрывало подо мной выглядело таким заманчиво прохладным и уютным. Тихонько вздохнув, я подтянула его и скомкала под головой.

– Сршенно верно, дедуля! – промямлила я в свою импровизированную подушку. – Не ндейся пнапрасну, – снова смех прямо надо мной. Под мою спину скользнули руки и чуть приподняли, чтобы снова уложить. Я негромко возмутилась, потому что из-под меня убрали нагретое покрывало. Мне стало холодно, но теперь подо мной лежало большое мягкое нечто. А вообще-то, не такая уж и плохая идея тут переночевать, нет? Мама и так не знала, где я, а Росси вряд

ли расстроятся. Кроме того, эта кровать стоит прямо в Тимеоновской Швейцарии. А вечер вышел довольно забавным, если не принимать во внимание намерения Джирона меня убить. У меня уже сложилась почти полная картинка всей ситуации. За исключением планов Люциана...

– Терь я пняла! – крикнула я и открыла глаза. «Танатос!»

– Что еще? – откликнулся Люциан, который как раз вытаскивал покрывало из-под моих ног.

– О чем я тебя всвремя хтела спрсить. Ты мня прост отвлек этой ведьмо-вампирной фигней!

Этот праймус улыбнулся мне без зазрения совести.

– Я знал, что ты меня раскусишь. Только не знал, получится ли у тебя это до того, как ты утопишься в джине, – спокойно произнес он, накрывая меня одеялом.

– Извните, что я не ткааая выносливая, как вы, гспдин демон-Робокоп! – фыркнула на него я. Казалось, Люциана невозможно вывести из себя. Он почти заботливо завернул меня в одеяло. Неожиданно на меня навалилась усталость.

– Эт оччнь подло! – я широко зевнула. – Мел сказала, ты должн за мной прсматривать, а не спаивать!

– Поверь мне, малышка, мы бы занялись здесь совсем другими вещами, если бы я за тобой не присматривал!

Он лукаво мне подмигнул. Но прежде, чем я задалась вопросом, что он мог иметь в виду, я потеряла эту мысль: он выключил свет. На его лицо легли длинные тени.

– Люциан? – спросила я. – Кто такой Танатос?

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. А я и не замечала, какие длинные у него ресницы. Или все дело в полутьме? Они создавали идеальный контраст линии бровей...

Люциан резко вскочил и, обойдя перегородку, ушел в гостиную.

– Викторина окончена, спи.

– Так нечестно! – заныла я, но особенно сильно не возмущалась. Для этого я слишком устала.

Последнее, что я увидела, было то, как блеснули его зубы, когда он ухмыльнулся.

– Я демон, забыла?

Глава 9. За деревьями не видно леса

Невыносимый писк сверлил мою голову, вытесняя из нее образ глуповатого Дракулы, который шатался, как мумия, между рядами яростно сражающихся крылатых, сияющих ангелов и зеленокожих ведьм. В моем черепе осталась только тупая пульсация. Я со стоном скатилась с кровати и обратила внимание, что расстояние от матраса до пола показалось незнакомым. Это была не моя кровать.

«Вот черт». Я все еще была у Люциана. Я быстро обернулась. Другая сторона кровати была пуста и осталась застеленной. Выходит, он спал не рядом со мной. Ну хоть что-то. Следующий пункт в списке моих приоритетов относился к противному писку, который соревновался по уровню громкости с моей головной болью. Его источником оказался мой мобильник, лежащий на барной стойке. На экран был приклеен желтый стикер, где размашистым почерком значилось:

«Появились кое-какие дела. Кофеварка работает.

В ванной есть все, что нужно.

Позвони Фелицитас. Она наверняка волнуется.

Она тебя заберет. Л.

P.S.: Сегодня понедельник».

Ну, классно! Мог бы мне и вчера это сказать!

Двадцать пять пропущенных вызовов служили неоспоримым доказательством того, что Лиззи не наверняка, а точно волновалась. Снова застонав, я потеряла лицо и набрала ее номер. Лучше уж разделаться с этим сразу.

Как и ожидалось, я получила телефонную взбучку. А чуть позже и обычную, при личной встрече, пока Лиззи везла меня в лицей. В перерыве между ее криками я пересказала события вчерашнего вечера, после чего она с новыми силами продолжила читать мне нотации. Когда мы приехали на парковку лицея, Лиззи внезапно повернулась ко мне и пригвоздила к сиденью взглядом, говорящим: «Не жди ничего хорошего».

– Ну, что теперь-то? – обеспокоенно спросила я.

– Сегодня утром мама принесла результаты анализов, – объяснила она. – Брахион не ошибся. Уилсон Харрис не твой отец.

Я безразлично кивнула. Что-то внутри меня успокоилось. За прошедшую ночь я подружилась с этой мыслью. Нет, не просто подружилась, я даже не допрашивала Люциана. Однако стопроцентная уверенность освободила меня от груза, который с детства был частью меня.

– С тобой все в порядке, милая? – осторожно осведомилась Лиззи.

– Еще никогда мне не было лучше, – чистая правда, если не считать похмелья.

– Хорошо, тогда я должна еще тебя предупредить, что...

Договорить она не успела, потому что моя дверь распахнулась.

– Вы опоздали, – буркнул Гидеон. Лиззи скорчила гримасу.

– Привет, братишка, – она практиковалась игнорировать его укоряющий тон. Глядя на меня, она смиренно вздохнула: – Позволь представить – твой новый телохранитель.

– Что?

Лиззи пожала плечами и вышла из машины. Я последовала ее примеру.

– Мне еле удалось не пустить его лично вызволять тебя из когтей Люциана. Тут помогло только то, что ты была в одном из убежищ Тимеона. Гости в них находятся под его защитой. Никто бы не осмелился напасть на тебя там. Даже Люциан.

– Но это не означает, что твое поведение не было абсолютно легкомысленным! Поэтому с настоящего момента ты больше никуда не пойдешь без сопровождения охотника, – строго выговорил Гидеон и захлопнул за мной дверцу. – То, что ты не дочь Уилсона Харриса, вызывает вопросы, которые оказываются, мягко говоря, опасными. Особенно когда для него, несмотря ни на что, так важна твоя безопасность.

– Привет, Гидди. Я так рада тебя видеть. Столько времени прошло. Как дела с учебой во Франции? Там люди не здороваются или это ты в Плеяде разучился? – дерзко ответила я. Он вел себя так, словно с момента нашей последней встречи не прошло два года.

Гидеон уставился на меня. Что-то похожее на стыд исказило жесткие черты.

– Доброе утро, Ари, – сконфуженно сказал он.

Я ожидала, что он меня обнимет, но этого не произошло. Что-то изменилось в Гидеоне, которого я знала, и не в лучшую сторону.

– Он просто переживает, Ари, – заступилась за него сестра. – Как и все мы. А Гидди один из лучших охотников в братстве. Он и его друзья будут за тобой приглядывать. Ты их даже не заметишь, поверь!

– А это не слишком? – мне совершенно не хотелось постоянно быть под наблюдением.

– Это необходимость, – бесстрастно отрезал Гидеон. – Так же как и твои тренировки по самообороне.

– Мои что?!

Брат Лиззи посмотрел на часы у себя на запястье.

– У вас еще семь минут. Берите свои вещи, встречаемся в четвертом зале, – с этими словами он развернулся на каблуках и удалился в направлении спортивной площадки.

Я оторвала от него обалдевший взгляд и нашла глазами подругу:

– МОИ ЧТО?!

– Твои... кхм... тренировки по самообороне? – робко созналась Лиззи. – Гидеон уговорил папу. Если понадобится, ты должна хотя бы немного уметь защищаться.

Да, это звучало вполне разумно, но как они себе это пред-

ставляют?

– Ты же в курсе, что у меня сейчас биология?..

По лицу моей лучшей подруги проскользнула коварная улыбочка:

– Об этом не беспокойся. Директорат уведомлен.

– Точно, а ад – это сауна.

– Нет, честно. Папа все решил и освободил тебя от занятий. Кстати, наверно, еще тебе следует знать, что лицей, – с поднятыми руками она покрутилась вокруг своей оси, – это школа Плеяды.

Я моргнула. Один раз. Два. Три.

– ЧТО?!

– Да, и все это время мне нельзя было ничего тебе рассказывать. Ты хоть представляешь, через что я прошла? – кричала она, подсакивая, как попрыгунчик.

«Представляю ли я, через что ОНА прошла? Алё??!»

– И ты хочешь, чтобы я поверила, что четыре года подряд ходила в... в... Хогвартс?!

– Хи-хи, в таком ключе я об этом еще не думала. Вообще-то, их нельзя по-настоящему сравнивать. Больше половины учеников не подозревают, что это за школа на самом деле, – она открыла багажник и вытащила две спортивные сумки.

– Ты же шутишь?

– Даже не собиралась, – ответила Лиззи. Она вручила мне одну сумку и потянула в сторону спортзалов. – Смотри, ты

не задумывалась, почему в лицее есть такие устаревшие курсы, как религиозная философия Средневековья, криптология⁸, шахматная стратегия, каллиграфия, прикладная филология, метание копья, продвинутый курс фехтования, боевые искусства тайчи и кэндо...

– Да, да, да... поняла уже. Все курсы с ограниченным набором учащихся и вступительным испытанием, – подытожила я, пытаюсь идти в ногу с Лиззи.

– Так и есть. Чтобы нежелательные ученики не попали на курсы, содержание которых предназначено не для них, – не останавливаясь, она свернула к спортивным площадкам. – Помнишь маленькое изогнутое деревце внизу на школьном гербе? – После моего кивка она продолжила: – Это символ Плеяды. А теперь, когда ты знаешь, пройдишь по лицу и приглядишься внимательно, – подмигнув, она махнула рукой на один из указателей, размещенных по всей территории школы. На половине табличек с направлением обнаружилось маленькое золотое дерево рядом с надписью.

⁸ Криптология – наука, занимающаяся методами шифровки и дешифровки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.